Непрерывное Восхождение

Сборник

Непрерывное восхождение. Том 1. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. Воспоминания современников. Письма Н. К. Рериха, Ю. Н. Рериха, С. Н. Рериха. Труды

«Международный Центр Рерихов»

2001

ББК 84. я43

Сборник

Непрерывное восхождение. Том 1. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. Воспоминания современников. Письма Н. К. Рериха, Ю. Н. Рериха, С. Н. Рериха. Труды / Сборник — «Международный Центр Рерихов», 2001 — (Непрерывное восхождение)

ISBN 5-86988-107-2

Павел Федорович Беликов (1911–1982) стоял у истоков изучения жизни и творчества семьи Рерихов, собирая свой архив с середины 1930-х гг. Его книга «Рерих», изданная в 1972 г. в серии «ЖЗЛ», является первым наиболее полным исследованием жизни и творчества великого русского художника, ученого и философа. Перу П. Ф. Беликова принадлежат также многочисленные очерки и статьи, посвященные Рерихам, а также первая библиография литературных произведений Н. К. Рериха.В первом томе настоящего сборника представлены воспоминания современников, письма Н. К., Ю. Н. и С. Н. Рерихов, адресованные П. Ф. Беликову, а также его собственные избранные произведения.

ББК 84. я43

ISBN 5-86988-107-2

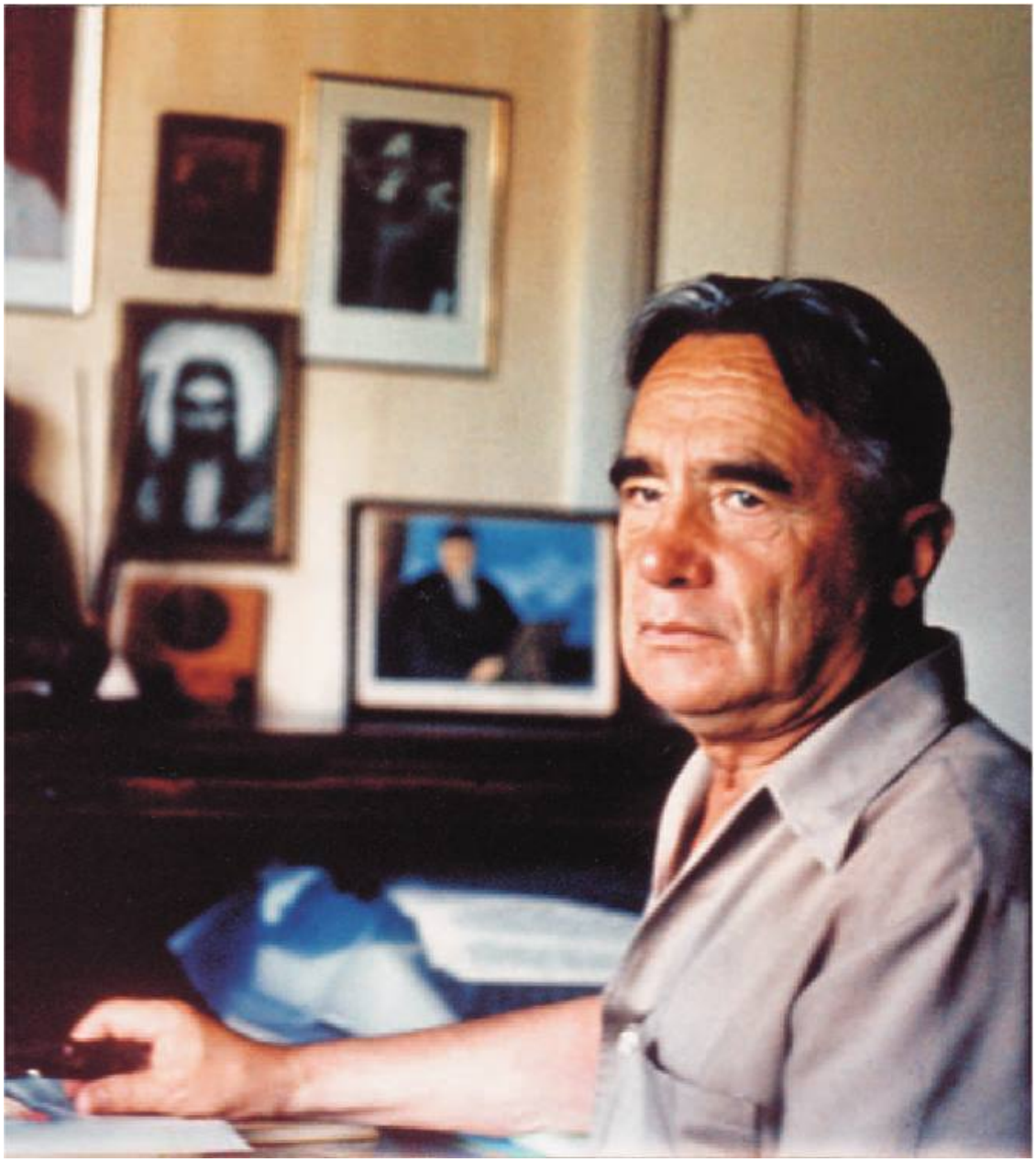
© Сборник, 2001
© Международный Центр Рерихов, 2001

Содержание

От составителя 7
Краткая автобиография 11
Воспоминания современников 14
Рихард Рудзитис 15
Кирилл Беликов 16
Кира Молчанова 20
Наталья Санникова-Надточий 25
Людмила Шапошникова 35
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Составитель К. А. Молчанова Непрерывное восхождение. Том 1. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. Воспоминания современников. Письма Н. К. Рериха, Ю. Н. Рериха, С. Н. Рериха. Труды

К 90-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова (1911–1982)



«Пусть светлая память о Павле Федоровиче вдохновляет и озаряет Путь всем, ищущим истинный Путь жизни».
С. Н. Рерих. Священные слова. 1944

Катунский хребет. Пик Беликова *(справа)*

© Международный Центр Рерихов, 2001
© К. П. Беликов, материалы из архива П. Ф. Беликова, 2001
© К. А. Молчанова, составление, 2001

От составителя

«Именно сейчас пришло время всем говорить о подвиге в жизни каждого дня», – писала Е. И. Рерих.[1] Ярким представителем такого образа жизни является Павел Федорович Беликов. Он творил свой подвиг в тех условиях и в том месте, куда поставила его судьба.

Перед нами прошла прекрасная жизнь в служении человечеству. Чистое и высокое сознание. Никаких мелких мыслей самости. Никакого личного возвеличивания. Только путь самоусовершенствования, путь внутреннего преображения и высокая радость Служения. К серым будням и житейским испытаниям он относился как к неизбежной действительности и как к великому послушанию, закаливанию духа. Его волновали масштабы всечеловечности, ответственность человека и человечества в целом за Планету, за земную жизнь и жизнь в Космосе.

П. Ф. Беликов жил и трудился в таком обществе и в таких условиях, когда над всем довлела официальная идеология, не допускалось ни малейшего инакомыслия. Однако он, великолепно разбираясь в марксизме-ленинизме и хорошо зная психологию партийных функционеров, сумел, исходя из лучших возможностей материалистического мышления, привнести в него элементы сознания космического. Об этом ярко свидетельствует неопубликованный труд П. Ф. Беликова «Основные проблемы восточной философии и диалектический материализм. Опыт сравнительного изучения». Этим научно-философским исследованием П. Ф. Беликов занимался в пятидесятые годы и завершил работу в 1960 году.

В своем общении с носителями официальной идеологии Павел Федорович без диссидентской вражды сближал в мировоззрении все, что возможно, искренне и просто увлекая своим знанием. Так он добился больших уступок у цензуры при издании книги «Рерих» в серии «ЖЗЛ», вышедшей в 1972 году. Так он сумел снять в сознании тех, кому в творчестве Рериха чудился безвольный идеализм, нежелание смотреть дальше и выше этой предубежденности. Так он сдвигал сознание, и свое, и чужое, для новой ступени эволюции, мощно верил в Грядущее и радовался каждой возможности внести свой вклад в оздоровление и очищение человеческого мышления и сердца. В то же время он умел скрывать свои знания, когда не имело смысла доверяться человеку.

П. Ф. Беликов вошел в историю как человек нового типа мышления – синтетического, он остался в памяти современников и как надежный человек, исполненный любви и верности своим идеалам. Все действия Павла Федоровича были проникнуты духом героизма и преданности. Современники преклонялись перед спокойствием его сознания. На примере жизни Павла Федоровича мы видим, как можно благородно пользоваться присущими своей эпохе средствами для вмешательства в ход событий.

Будучи исследователем жизни и творчества Рериха, П. Ф. Беликов обращает наше внимание на высокую миссию Н. К. Рериха – объединение духовного наследия Запада и Востока, на общность эволюционных путей человечества и на то, как Н. К. Рерих в разгар колонизаторской политики сумел рассказать миру о духовных ценностях Востока. Ведь все непонятное западным людям в восточной культуре они определяют как мистику и экзотику. Сознательно распространялись и поныне бытующие, заведомо ложные, представления о культуре народов Азии. Точно так же сегодня некоторые православные пастыри в России дают и сознательно распространяют нивелирующие оценки творчества самого Рериха. Они стараются умалить жизненный подвиг Рериха и умышленно искажают те исторические факты и условия, в которых приходилось действовать великому творцу. П. Ф. Беликов пишет: «Одной из главных задач, которую Рерих решал как ученый, была борьба за пересмотр сложившихся на Западе европоцентрических теорий эволюции человеческого общества и мировой культуры. Эти теории

[1] Письма Елены Рерих. Рига, 1940. Т. 1. С. 454.

были как воздух необходимы колонизаторам. В то время как научная информация о достижениях и исторической роли народов Востока получала слабое распространение».[2]

Не могу не привести также цитату из публикующейся впервые работы П. Ф. Беликова «Об идеологии творчества Н. К. Рериха»:

«Воинствующему империализму была поставлена на службу и западная философия. За Шопенгауэром, искавшим в восточной философии только аналогии некоторым собственным мыслям, последовала целая плеяда философов, вообще не имевших собственных мыслей. Это их общими усилиями восточная философия, наука, искусство и миропонимание были представлены как смесь мистицизма, спиритизма, пессимизма, апатии и бесчеловечности. Это они изо всех сил старались в свое время отодвинуть границу “Азии” подальше на Запад. Но теперь, когда эта граница помимо воли их хозяев зашла на Запад слишком далеко, настало время показать истинный лик Азии, показать, чем она была в прошлом для народов всего мира и чем она будет в будущем». (См. стр. 239 Сборника.)

Тем не менее П. Ф. Беликов даже в условиях диктата официальной идеологии в книге «Рерих» из серии «ЖЗЛ» сумел полноценно раскрыть многогранность феноменальной личности Н. К. Рериха. И уже в следующей своей исследовательской работе «Рерих. Опыт духовной биографии» он рассказывает о сокровенной стороне жизни Рериха, о том, как совершалась жертва вхождения в материю Посланца Высшего Мира, как по-земному складывался Его жизненный путь. К сожалению, этот труд П. Ф. Беликова остался незаконченным, а черновая рукопись широко разошлась в копиях в самиздате и в 1994 году была опубликована в Новосибирске без ведома наследников.

Мы знаем, как высоко ценил С. Н. Рерих высказывания П. Ф. Беликова о своем искусстве и о творчестве отца. Искусствоведы часто не в состоянии дать сущностную оценку живописи Рерихов, отражающей новое эволюционно-космическое мировоззрение. Искусствоведы – не философы, да к тому же, как говорил П. Ф. Беликов, им нередко мешает эстетствующий снобизм.

П. Ф. Беликов, будучи философом по природе, мыслил диалектически, а исследуя творчество Рерихов, невольно превратился также и в искусствоведа. Он увидел в живописи Н. К. Рериха возможности для обогащения и развития изобразительных средств художника. Особенно интересны и ценны в этом плане рассуждения П. Ф. Беликова о работах символического направления, как о творческой лаборатории художника, и о том, как Рерих раскрывает всю полноту своей эпохи одной только тематикой своих картин! (См. статью П. Ф. Беликова «Творчество Н. К. Рериха».)

Именно П. Ф. Беликов дал также новое толкование творческому объединению «Мир искусства», которое расходилось с ранее принятым в искусствоведении. И редакция «ЖЗЛ» полностью поддержала его. Об этом упоминается в письмах П. Ф. Беликова к С. Н. Рериху, В. А. Шибаеву и к др.

29 июля 2001 г. исполняется 90 лет со дня рождения П. Ф. Беликова. Этот сборник «Непрерывное восхождение» в двух томах посвящается Человеку, который стоял на страже творческого наследия Рерихов и благородством своей души осчастливил многих современников. При внимательном чтении каждый сам сможет убедиться в справедливости утверждения о том, что только благодаря самоотверженной деятельности П. Ф. Беликова в советское время творческое наследие Рериха быстро вошло в научный оборот.

Первый раздел первого тома содержит воспоминания современников. Знакомясь с ними, читатель увидит, с каким глубоким уважением, изумлением, любовью и бесконечной признательностью они относятся к Павлу Федоровичу.

---

[2] «ЖЗЛ» «Рерих». М., 1972. С. 207.

Второй раздел «Письма» дополняет сказанное о П. Ф. Беликове и раскрывает отношение к нему самих Рерихов и их близких. Здесь публикуются все сохранившиеся письма Н. К. Рериха и Ю. Н. Рериха к Павлу Федоровичу, а также письма С. Н. Рериха.

Третий раздел составили работы самого П. Ф. Беликова: выступления, статьи, обзоры, тезисы. Несколько его стихотворений, представленных в этом разделе, относятся к разным годам жизни. Уже в ранних стихах чувствуется талант философа, глубина и оригинальность мышления. В одном из писем к своим многочисленным корреспондентам есть заслуживающая внимания мысль: «Я сам когда-то грешил стихами, они затягивают и требуют полной отдачи, а это оправдано лишь тогда, когда человек рождается поэтом».

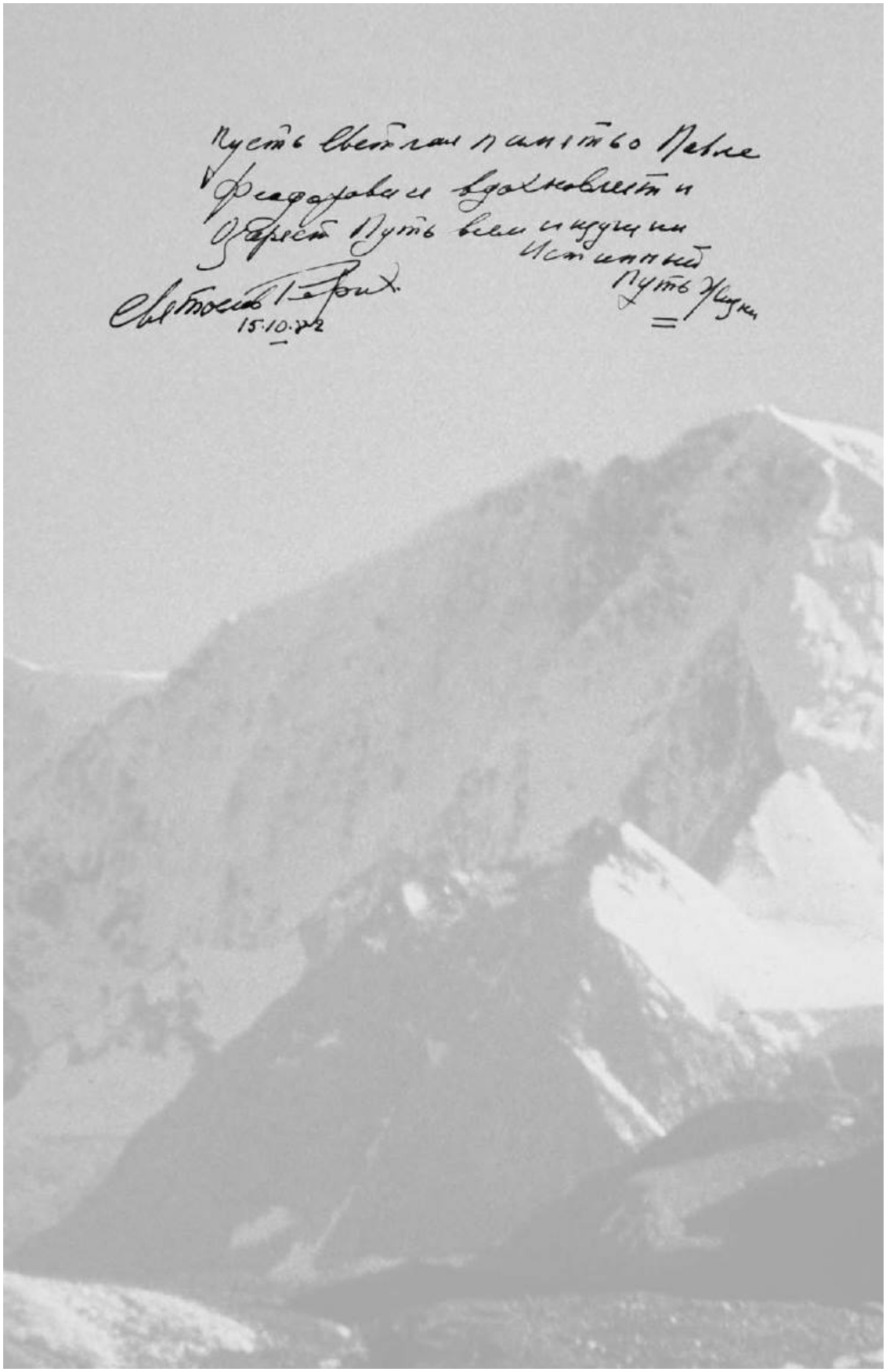
В ходе работы над сборником объем материалов настолько возрос, что избранные фрагменты из эпистолярного наследия самого П. Ф. Беликова были выделены в отдельный том.

Неоценимый вклад в составление сборника внесла докторант Тартуского университета Ирина Сяэск, и весь второй том является почти полностью результатом ее труда. Большую работу проделали также Ирина Биткова и Мильви Аасару, которые потрудились над подготовкой фотоматериалов.

В основу сборника положены архивные материалы Международного Центра Рерихов, П. Ф. Беликова, Эстонского общества Рериха и Научной библиотеки Тартуского госуниверситета. Сын П. Ф. Беликова – Кирилл Павлович поддержал издание сборника своим согласием на использование материалов со ссылкой на авторское право семейного архива и на права адресатов П. Ф. Беликова.

Сборник богато иллюстрирован. Почти все фотоснимки любительские. И они говорят о том, что Павел Федорович был прекрасным человеком в каждый момент своей жизни – уравновешенным и душевным.

К. Молчанова,
Таллинн, февраль 2001 г.


Пусть Светлая память о Павле
Феодоровиче вдохновляет и
Озаряет Путь всем ищущим
Истинный
Путь Жизни
Святослав Рерих
15.10.72

Краткая автобиография

Родился 29 июля 1911 г. в Нарве, ныне Эстонская ССР. Отец – Беликов Федор Александрович, родом из Великолукского уезда Псковской губ[ернии]. Мать – Беликова Мария Матвеевна, урожденная Аатонен, родилась в Нарве. Родители: отец – выходец из Финляндии, мать – ингермаландка из-под Ямбурга (ныне Кингисепп Ленинградской области).

Мой отец с 12-летнего возраста жил в Нарве. Служил по торговой части, затем имел собственную довольно крупную торговлю в Нарве. В 1923 году переехал в Васькнарву, где одно время заведовал отделением а/о «Нарва Импорт», потом имел собственную торговлю. Экономический кризис 1930-х годов вынудил прекратить собственное дело. Умер в 1935 году в Таллинне.

Мать в основном занималась домашним хозяйством. Умерла в 1938 году в Таллинне.

Детство провел в обеспеченной обстановке. Много путешествовал с родителями. Был на Кавказе, в Крыму, на Волге, в Москве, в Петрограде. Очевидно, опасаясь немецкой оккупации, в конце 1916 года отец послал нас с матерью в Саратов, где у него были партнеры по коммерческой части. Октябрьская революция на время разделила нас, но в 1918 году мы оптировались к отцу в Эстонию.

В 1925 году я с матерью поехал в Ленинград, где жили ее братья. Отец тоже собирался переехать, так как имел коммерческие дела с Поволжьем и, по-видимому, рассчитывал на НЭП (новую экономическую политику, разрешившую частное предпринимательство), предполагая возобновить деятельность в России.

В Ленинграде я учился и закончил 51 Советскую Единую трудовую школу II ступени (курс гимназии). В 1928 году мать все-таки решила вернуться в Эстонию. Исхлопотав разрешение, в конце 1928 года возвратились. До 1930 года жил с родителями в Васькнарве, помогал отцу по его торговой деятельности. С 1931 по 1932 год проходил обязательную военную службу в эстонской армии в Рак-вере и в Нарве. После военной службы около года прожил в Васькнарве, а затем переехал на жительство в Таллинн. В Таллинне учился на Высших коммерческих курсах, однако кризисное время и безработица долгое время не давали возможности поступить на работу по специальности. Несколько лет работал на ткацкой фабрике «Ээсти Сийд».

С юношеских лет интересовался и много занимался литературой, философией, искусством. В Таллинне принимал деятельное участие в Русском Литературном Кружке. Публиковал статьи по литературоведению, выступал с докладами на литературных чтениях.

Особое внимание уделял изучению Востока, что в конечном счете привело к письменным контактам с известным русским художником, ученым и путешественником Николаем Константиновичем Рерихом, проживавшим с 1923 года в Индии.

В 1937 году устроился на работу в книготорговую фирму «Тээкооль» в Таллинне, при которой было отделение (представительство) от советской книготорговой фирмы «Международная Книга». Заведовал отделением русской книги, организовал русские представительства «Тээкооль» с продажей советских книг и периодической печати в Тарту, Нарве, Петсери. Значительно увеличил обороты фирмы «Тээкооль» в данной области книготорговли.

В 1938 году женился.

Жена – Галина Васильевна Беликова, урожденная Махова, родилась в 1910 году в Васькнарве. С женой познакомился еще там в 1929 году. В 1935 году жена окончила Тартуский университет по факультету сельского хозяйства (агрономия). Желая перейти на педагогическую деятельность, поступила дополнительно в Таллиннский педагогиум и окончила его в 1937 году. С тех пор, до выхода на пенсию, работала педагогом в Таллинне. Родители жены родом из Васькнарвы, отец умер в 1943 году, мать – в 1974 году в Козе-Ууэмыйза.

Дети: дочь, Елена Павловна Беликова, родилась в 1940 году, в замужестве Геймон, живет в Таллинне, работает старшим инженером на полупроводниковом предприятии «Завод им. Пэгельмана».

Сын, Кирилл Павлович Беликов, 1942 года рождения. Живет в Таллинне, работает токарем на предприятии ЭТКВЛ.

В 1940 году, с возрождением советской власти в Эстонии, получил предложение возглавить Эстонскую республиканскую контору «Союзпечать» («Аякирьяндуслийт»). В должности начальника конторы получил в начале войны бронь. Оказался в оккупированном немцами Таллинне. Из Таллинна с трудом удалось пробраться в дер[евню] Оонурме Тудулиннаского сельсовета Раквереского района. У родителей жены был там свой хутор, на котором они проживали, покинув в 1937 году село Васькнарва. Жена с ребенком выехала туда в самом начале войны. Все военные годы удалось прожить там. Временами пришлось скрываться в лесу.

С освобождением Таллинна от немецкой оккупации немедленно выехал туда и был сразу же восстановлен в прежней должности начальника республиканской конторы «Союзпечать». Организовал заново сеть по распространению периодической печати. Из-за расстройства здоровья стал искать менее ответственную и менее напряженную деятельность. В 1946 году перешел на должность старшего ревизора Эстонского республиканского отделения «Особторга», а в 1948 году – на должность главного бухгалтера Центрального совета спортивного общества «Калев», где проработал до 1955 года.

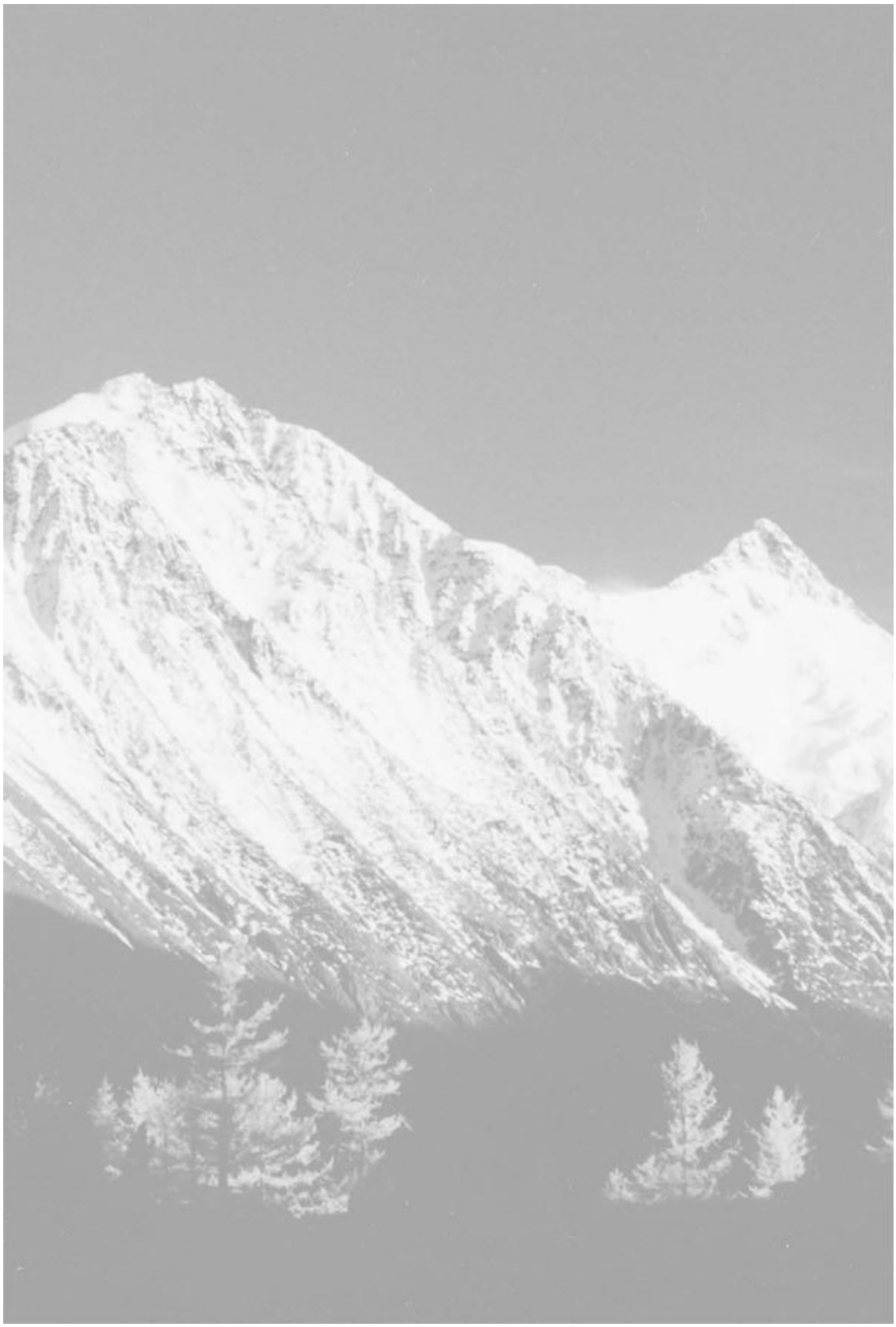
Стремясь из-за состояния здоровья (болел туберкулезом легких) переехать в сельскую местность, предложил свои услуги в Министерстве сельского хозяйства ЭССР и был назначен главным бухгалтером Амблаской МТС. Из-за реорганизации системы МТС перевелся в Таллинн на должность начальника планово-финансового отдела Эстонского управления «Гидрометслужбы». В 1961 году опять перешел в систему реорганизованной «Сельхозтехники» и с апреля 1961 года переехал в Козе-Ууэмыйза, где работал в должности главного бухгалтера Козеского отделения «Эстсельхозтехники» до выхода на пенсию в августе 1971 года.

Параллельно с экономической трудовой деятельностью всегда так или иначе занимался литературой, искусством, философией. Публиковал библиографические обзоры в газете «Советская Эстония». Однако по основной интересовавшей теме долго шел процесс накопления. Архив по жизни, творчеству и деятельности известного художника, ученого и международного общественного деятеля Н. К. Рериха стал собирать с середины 1930-х годов. В этой области имел и возобновил в середине 1950-х годов обширную переписку с музеями и обществами имени Н. К. Рериха в США, Великобритании, Индии.

В 1957 году из Индии в СССР возвратился старший сын художника, всемирно известный востоковед Юрий Николаевич Рерих, с которым я переписывался еще в 1930-х годах. Личные контакты с Ю. Н. Рерихом и его братом, художником Святославом Рерихом, постоянно проживающим в Индии, значительно расширили мой архив. В настоящее время он доходит до 4000 единиц хранения различных документов, публикаций, фотографий в оригиналах и копиях. По существу он является крупнейшим архивом по Н. К. Рериху в Советском Союзе. В связи с этим им широко пользуются советские востоковеды и искусствоведы. Международная гуманистическая и просветительская деятельность Н. К. Рериха и членов его семьи привлекает к себе все больший и больший интерес во многих странах мира и особенно на его родине в СССР, и в Индии, где он жил с 1923 года и где скончался в 1947 году. Исследования в этой области и составляют мои основные интересы и являются основной творческой деятельностью за последние двадцать лет. Результаты этой деятельности перечисляю в приложении. Прилагаю также снимки изданий и некоторых публикаций, так как дубликатов на руках не имею и представить их затрудняюсь. Прилагаю также несколько своих фотографий.

Беликов Павел Федорович
Козе-Ууэмыйза, 17 мая 1978 г.

Воспоминания современников



Рихард Рудзитис

«…Уже неделю в Таллинне… все время жил у Беликова в лесном парке Нымме, и мы еще больше подружились. Его простота и скромность, его глубокая серьезность, чувствуется в нем даже какая-то измученность – результат бывшей чахотки. Учением он не только интересуется, но и старается его везде провести в жизнь. В свободное время читает также другие культурные книги, я только что застал на его столе книгу о Парацельсе, изданную в Швеции.[3] Он собрал более 50 репродукций с Ваших картин, которые все поставил под стекло, большую часть послал в Нарву на выставку Ваших репродукций и книг, которая откроется, кажется, в октябре. Он любит и новейшую русскую поэзию, хотя в нем самом как-то хотелось бы больше поэтичной звучности и полета, хотя на склад его существа, безусловно, свой отпечаток наложила и слабость здоровья. Но, конечно, дух его с течением времени расширится, ибо я вполне уверен в успешности его саморазвития. Притом он еще молод. Он всегда деловой. Говорит сжато, сравнительно медленно. 24-го вечером он собрал у себя свою небольшую группу – кроме него и его супруги, были еще Иванова и Абрамов. Пеаль уехал в Ригу. Кроме того, присутствовал Блюменталь, по делам службы случайно приехавший в Таллинн. К осени к группе Беликова присоединится, должно быть, еще пара лиц. Молодая супруга Беликова – чуткая душа, для ее молодых лет даже слишком серьезная, оставляет впечатление как бы измученной, усталой. Она вскоре должна будет уехать в деревню учительницей, так как на средства мужа (всего 60 крон в месяц) три человека существовать не могут – мать Беликова все еще очень больна».[4]

27 августа 1938 г.

[3] Условленное название России для переписки с Рерихами.

[4] Письма с гор. Минск, 2000. Том II. С. 151–152.

Кирилл Беликов
Непрерывное восхождение

Жизнь моего отца Павла Федоровича Беликова – это непрерывное восхождение к вершинам Духа, восхождение, преобразовавшее не только самого Павла Федоровича, но и культурную жизнь России.

Официальные сведения о его образовании приводятся в краткой автобиографии: Единая трудовая школа (курс гимназии) в Ленинграде и Высшие коммерческие курсы в Таллинне (остались незаконченными). Но она не отражает огромный труд отца над самообразованием, начиная с юных лет, увлеченное изучение многих философских школ и направлений, классической литературы и особенно поэзии. Обо всем этом можно узнать из писем отца к своей будущей жене – моей маме. Хочется процитировать несколько избранных мест из этой переписки. Вот какие мировоззренческие проблемы волновали Павла Федоровича в 23–24 года: «“…Путь парадокса – путь истины”, – стал искать подтверждения…Разбиваю на школы, последовательно вытекающие одна из другой». «Беспредельность и конечность. Только соотношение этих антиподов и составляет правильное решение космологической проблемы…». «Мысли о бессмертии – не успокоение… В этом бессмертии не вижу ни минуты покоя, оно мне представляется путем более трудным и ответственным, чем теперешнее мое существование. Считаю трусостью отвергать бессмертие. Человеку страшно очутиться перед лицом Беспредельности со своим жалким багажом знаний. Он чувствует, что Беспредельность раздавит его, а смелости победить эту Беспредельность не хватает. Ведь: “Не быть гораздо легче, чем быть”».

Во многих письмах к моей матери отец рассуждает о религии, христианстве, Троице, смерти, перевоплощении. Он цитирует высказывания философов, писателей и поэтов. Особенно близки ему Кант, Федоров, Гумилев, Гете. Жаль, что нет возможности подробно осветить путь самообразования и самосовершенствования, проделанный отцом. Надеюсь, что когда-нибудь его эпистолярное наследие увидит свет, и процесс его духовного роста можно будет проследить воочию.

В 1930-е гг. отец вращается в литературно-художественных кругах Таллинна. Он выступает с докладами («Философия И. Канта», «Зло невежества», «Державин», «После прочтения первой книги “Листы Сада Мории” – Н. К. Рериха»[5] и др.). Русская диаспора в Эстонии собрала в то время цвет интеллигенции, вынужденной покинуть родину. Сблизившись с эмигрантами-евразийцами В. Гущиком, Б. Тагго и др. и разделяя некоторые их философские взгляды, отец написал статью «Пушкин и государственность» для сборника «Поток Евразии». На мой взгляд, она актуальна и сегодня.

1930-е гг. в жизни отца – это и время увлечения поэзией, он посещает выступления Игоря Северянина и других поэтов. Тонко чувствуя и глубоко интересуясь поэзией, он не только выступал с докладами о литературе, но и сам писал неплохие стихи.

Мысли о России постоянно занимали отца. («Нравится нам и Ваше отношение к Родине…», – письмо Н. К. Рериха от 14.02.1939.) Это объединяло его с Рерихами, в трудах которых много говорилось о значении России, ее особой миссии. Но иллюзий о жизни в сталинской России у отца не было. Некоторые связи с Россией сохранились, поступали сведения о жестоком режиме, о запуганности народа. Мой дед всегда говорил о Сталине, что это – не «отец народов», а «подлец», за что и был репрессирован в 1940 г. и умер в Сибири. Конечно, все последствия разгула сталинского мракобесия тогда еще было трудно предвидеть. Жизнь в Эстонии, как теперь говорят, «русскоязычных» в те годы тоже не приходится идеализировать.

[5] Так в тексте.

Здесь всегда склонялись больше к Западу, а после репрессий 1940-х гг. отношения с восточным соседом стали еще более натянутыми.

Переписка Н. К. Рериха с отцом началась в 1936 г. Сам отец так вспоминал об этом: «…Подготовил несколько докладов на тему о Рерихе. У Рериха в Таллинне были знакомые, через которых он узнал о моем увлечении и в 1936 году написал мне. Представьте же себе, он сам обратился ко мне! Мне тогда было 25 или 26 лет. Это письмо глубоко затронуло мои чувства. Я осознал, что способен на значительно большее. Началась переписка, завязались связи с его семьей. Началась целенаправленная собирательская работа…» К этому времени отец уже серьезно увлекся Востоком, изучал историю, философию, религию и искусство восточных народов. Он знал о Рерихах и их трудах, поэтому легко включился в сферу их просветительской деятельности. По рекомендации Н. К. Рериха отец побывал в Латвии, познакомился с руководителем Общества Рериха в Латвии Рихардом Рудзитисом. Не без его влияния он организовал рериховский кружок у себя в Таллинне, стал заниматься распространением литературы, выпускаемой в Риге: трудов Н. К. Рериха и Е. И. Рерих, «Тайной Доктрины» Е. П. Блаватской, работ исследователей наследия Н. К. Рериха – художника и мыслителя. Официально Рериховское общество в Эстонии оформиться не успело. (Н. К. Рерих сам писал, что спешить не стоит.) Это, вероятно, и спасло эстонских последователей взглядов Н. К. Рериха от преследований в годы советского режима. В то время власти не вникали, «кто есть кто». Теософия, оккультизм и Агни Йога – все подводилось под общую черту и считалось ими «проявлением враждебной идеологии». Почти все члены Общества Рериха в Латвии и Литве стали жертвами репрессий, были расстреляны или пополнили архипелаг ГУЛАГ. Отец вынужден был скрывать свои взгляды, заниматься исследованием творчества Рериха подпольно. Имея на руках такой «взрывоопасный» материал, как архив Рериха, он не только не уничтожил его, а, наоборот, заботился о его сохранности. К сожалению, некоторые архивные документы тоже стали жертвой сталинизма – пострадали, так как хранились в разных местах. И все-таки большинство материалов чудом уцелело, несмотря на войну и тоталитарный режим.

Когда началась Великая Отечественная война, отцу как начальнику Союзпечати Эстонии была дана отсрочка от мобилизации. Предстояло эвакуировать имущество Союзпечати. Сам же он эвакуироваться не успел: в город вошли немецкие части и отрезали его от гавани, откуда уходили суда с людьми и имуществом. Вскоре кто-то донес на отца немецкому командованию, его арестовали, но по пути в комендатуру ему удалось бежать. Лесными дорогами добрался он до хутора родителей своей жены, который находился недалеко от Чудского озера. Жизнь в этой глубинке тоже была неспокойной. Чудом избежал Павел Федорович немецкой мобилизации, заполучив, а вернее купив справку о том, что болен туберкулезом и процесс еще не окончился. Временами приходилось скрываться в лесу, ибо и среди своих, таких же окруженцев, находились предатели. По доносу одного из них был расстрелян немцами брат мамы. Отец случайно избежал подобной участи. Судьба словно специально хранила его для выполнения особой миссии на ниве культуры.

После войны помимо официальной деятельности – в Союзпечати Эстонии и в должности бухгалтера в различных организациях – отец старался наладить контакты с рериховцами, пополнял свой архив и много писал, как говорят сегодня, «в стол». Это было трудное время для рериховедения. Имя Н. К. Рериха открыто не произносилось, исследовательская работа в области его творчества под эгидой государственных учреждений не велась. Только в «хрущевскую оттепель» отцу удалось наладить контакты с сыновьями Н. К. Рериха. С Юрием Николаевичем он встретился в Москве, после его возвращения в Советский Союз. Тогда же началась переписка со Святославом Николаевичем, длившаяся более 25 лет. После «оттепели» стало возрождаться и отечественное рериховедение. Вот тут-то и пригодился архив, собираемый и хранимый отцом еще с середины 1930-х гг. Все первые советские публикации о Рерихах основывались на уникальных материалах этого архива. Отец никогда не придерживал что-то ценное

для своих собственных работ, а щедро делился материалами с исследователями и радовался их успехам. Известные наши рериховеды – Князева, Сидоров, Шапошникова, Алехин и многие другие – с благодарностью вспоминали эту щедрость Павла Федоровича.

В письме от 14.02.1939 г. Н. К. Рерих пишет отцу: «…Часто вспоминаем Вас и радуемся, что Вы стоите около книжного дела. Как это сейчас нужно и какие замечательные мысли у Вас могут зарождаться, наблюдая истинное положение книги и просвещения. Вы находитесь в центре борьбы за Свет и Познание. И сколько душевного и неотложного Вы можете сделать во время своей каждодневной работы. К Вам придут молодые, и Вы сумеете принять их и отеплить внимательным отношением. Вы разовьете в себе терпимость и усмотрите в каждом наиболее ценную черту…»

Это предсказание-пожелание отец полностью осуществил. Скольким людям он помог увидеть истинные ценности жизни и посвятить себя служению Добру. Недаром люди тянулись к нему, писали множество писем и неизменно получали обстоятельные, аргументированные ответы. Это эпистолярное наследие велико и ждет своего исследователя. В 1970-е гг. в Козе-Уэмыйза – маленький поселок в 40 км от Таллинна – началось настоящее паломничество почитателей творчества Рерихов. И со всеми отец щедро делился своими знаниями и материалами. К нему обращались и создатели документальных фильмов о Н. К. Рерихе Р. А. Григорьева, Ю. Н. Белянкин.

В 1970-е гг. отец приступил к работе над рукописью «Рерихмыслитель» (естественно, опять «в стол»). И вдруг ему предложили участвовать в написании книги о Н. К. Рерихе в серии «Жизнь замечательных людей» в соавторстве с ленинградским искусствоведом В. П. Князевой. Всех подробностей о процессе создания книги я не помню. Но, судя по переписке отца с В. П. Князевой и по воспоминаниям мамы, все это доставило ему немало тяжелых переживаний. Зная всю духовную жизнь Н. К. Рериха, он как мог сопротивлялся требованиям советской цензуры осудить Николая Константиновича за идеализм, за самобытность мышления, за преклонение перед именами, которые проклинала в то время советская философия. Во взаимоотношениях соавторов возникли сложности – слишком различными были их общественные позиции и взгляды. Приходилось много раз переделывать главы книги. Неоценимую помощь оказывал и Святослав Николаевич Рерих, которому отсылались для проверки и оценки главы книги. Когда же работа была завершена, Святослав Николаевич поздравил отца: «Вы прекрасно справились с очень трудной задачей. Поздравляю Вас от всей души…» Он прекрасно понимал все сложности того времени. Первая полная отечественная биография Н. К. Рериха положила начало широкому осмыслению его деяний для России и всего мира.

И все-таки отец остался недоволен книгой. Это подтолкнуло его к работе над рукописью «Рерих. Опыт духовной биографии», где он широко использовал и архивные материалы, открытое обращение к которым в те годы было невозможным. Рукопись осталась незаконченной, но даже в таком виде она является ценным дополнением к книге, изданной в серии «Жизнь замечательных людей».

Архив отца и после его смерти продолжает служить людям. Правда, фонд Рерихов в этом архиве почти уже исчерпан исследователями. А вот фонд отца совсем неразработан: нам еще предстоит знакомство с неизвестным П. Ф. Беликовым – писателем, поэтом, философом, книговедом и библиографом. Библиографией Павел Федорович занимался всю жизнь. Специалистам будет интересна такая подробность: в составлении библиографии литературных трудов Н. К. Рериха отцу помогал еще при жизни сам Николай Константинович, а затем – его сыновья. Это труд многих лет, если не десятилетий. Своими работами в области библиографии Павел Федорович гордился не меньше, чем литературно-критическими трудами, и отмечал их в своей автобиографии. Полную сводку всех его работ – от обзоров книг в периодике до указателей – еще предстоит сделать. Кроме печатных трудов, в архиве отца остались и неопубликованные

работы, в частности материалы о творчестве Н. К. Рериха и С. Н. Рериха за период с 1958 по 1978 г.

Подвижническая работа Павла Федоровича на ниве культуры не была отмечена никакими наградами. Но ей воздали должное почитатели семьи Рерихов. Летом 1983 г., когда Павла Федоровича уже не было в живых, альпинисты новосибирского Академгородка взошли на безымянный пик Алтая. Покоренной вершине дали имя «Пик Беликова». Через этот пик идет дорога к вершинам семьи Рерихов.

Козе-Ууэмыйза, 1992 г.

Кира Молчанова
Абсолютный авторитет

С Павлом Федоровичем Беликовым у меня было сводное родство. Его жена Галина Васильевна – двоюродная сестра моей мамы. В детстве они росли вместе и в молодости были очень дружны. Я тоже с раннего детства обожала тетю Галю, но наше общение не стало сердечным. Родственные отношения поддерживались в основном только по праздникам, когда встречались за столом на чьих-либо именинах и пели под гитару. Павел Федорович превосходно знал весь бытовой репертуар. Обычно начинали с песни Н. И. Языкова «Из страны-страны далекой» или какой-нибудь другой по настроению. Пели все: «Вечерний звон», «Тройку», «Лучинушку», «Бубенцы», «Хризантемы», «Калитку», «Тени минувшего», «Среди долины ровныя», «Вниз по матушке, по Волге», «Рябину», «Ой, полна коробушка», «Очи черные», «Метелицу», «То не ветер ветку клонит», «Зимний вечер», «Парус», «Выхожу один я на дорогу» и т. д. По домам расходились, когда репертуар был исчерпан.

Мы, коренные жители Эстонии, русские из пограничных районов – Нарвы, Васькнарвы, Печор – жили здесь на протяжении столетий. Советский режим в Эстонии, репрессии, мировая война раскидали нашу родню по планете: одних – в ГУЛАГ на Урал, в Сибирь, других – в Америку. После войны мы жили в очень стесненных условиях и все же соблюдали патриархальные традиции, которые постепенно исчезали по мере ухода из жизни старшего поколения.

Я всегда восторгалась Павлом Федоровичем. Поражалась его эрудиции, восхищалась метким юмором. Моя мама курила и однажды сказала в присутствии Павла Федоровича в свое оправдание, что Е. П. Блаватская тоже курила. И тут Павел Федорович заметил: «Если бы Вы, Клавдия Дмитриевна, написали “Тайную Доктрину”, то мы бы Вас простили!»

Хочется привести эпизод из воспоминаний снохи Павла Федоровича – Аллы. Внучка Павла Федоровича мечтала о живом цыпленочке, и любящий дедушка принес ей заводного, и не одного, а целый выводок механических цыплят и завел их одновременно!

Павел Федорович любил и, как никто, знал поэзию. Мне очень нравилось, как он читал стихи, в том числе и свои, – очень музыкально и своеобразно. Стоило только сказать о чем-либо понравившемся, как он тут же брал в руки томик и начинал декламировать. Полное собрание большой и малой «Библиотек поэта», основанных М. Горьким, всегда было у него под рукой.

У меня сложилось впечатление, что любимой книгой Павла Федоровича была поэзия Н. К. Рериха «Цветы Мории». В беседах он постоянно ссылался на нее, цитировал, объяснял суть. Все, что Павел Федорович говорил об этой книге (кроме того, что она является вступлением к Живой Этике), отражено в статье В. М. Сидорова к первому советскому изданию под названием «Письмена» (М.: Современник, 1974). И творческая биография Н. К. Рериха «На вершинах», опубликованная В. М. Сидоровым, также полностью пересказала все то, что я слышала от Павла Федоровича. Книга «На вершинах» печаталась в 1974 году в журнале «Молодая гвардия». Издание обеих работ было осуществлено к 100-летию Николая Константиновича Рериха.

Перепечатывая появлявшиеся на свет страницы рукописи Павла Федоровича «Рерих (опыт духовной биографии)» с подробным рассмотрением содержания поэзии «Цветов Мории», я окончательно убедилась в том, какое значение придавал он этой книге: для Павла Федоровича она была главным источником его знаний о духовной жизни Н. К. Рериха.

Павел Федорович выписывал толстые ежемесячники («Философия», «Иностранная литература», «Международная жизнь», «Москва», «Октябрь» и др.), успевал следить за всеми литературными новинками, политикой и научными публикациями. Павел Федорович всегда подчеркивал важность образования и особенно значение науки в современном мире. Каждая область жизни теперь настолько усложнилась, говорил он, что дальнейшее углубление в специализацию невозможно без синтеза научного знания. Само сотрудничество людей стано-

вится наукою жизни. Он всегда трезво оценивал политическую ситуацию как в международной жизни, так и внутри страны. После его объяснений на душе становилось ясно и спокойно. Он был надежной опорой, абсолютным авторитетом. Когда я заметила, что поступки коммунистов не соответствуют их идеалам, он сказал: «Сроки-то космические, а не человеческие!». Так Павел Федорович безукоризненно разбирался в сложной диалектике жизни. Уровень его интеллектуального и нравственного развития был выше не только своей среды, но и массового сознания эпохи. Этот Человек обладал такими качествами, которые были особенно важны для выполнения его жизненной задачи именно в то время, в тех условиях, в тех обстоятельствах, когда заниматься исследованием творчества Рериха было небезопасно.

Павел Федорович вел себя очень разумно, никогда ничего не форсировал, умело и чутко направлял ход событий, учитывая возможности людей и естественно складывающиеся ситуации. Его решения всегда были целесообразны, а поступки соизмеримы с великой целью служения Общему Благу и эволюции. Когда Павел Федорович, например, не мог, вернее не должен был отвечать на какой-либо вопрос, он умел сочувственно промолчать или даже перевести разговор на другую тему.

Он радовался каждой возможности возрождения Великого Имени и потому делился не только материалами своего архива, но даже отдавал готовые работы тем, кто имел возможность публиковаться. В то время Павел Федорович *один* стал неофициальным Международным Центром Рерихов, связанным с Индией, США, Великобританией, Германией, Болгарией, Румынией, а также разными городами и весями Советского Союза. Однако Павел Федорович не имел возможности работать в государственных архивах или за рубежом и свои выводы основывал на глубоком проникновении в содержание трудов Николая Константиновича и Елены Ивановны. Так рождались все его работы.

Если искусствоведы и ученые обращались к жизни и творчеству Рериха лишь эпизодически, то для Павла Федоровича это было смыслом и содержанием всей его жизни. Он знал о Рерихе все до малейших нюансов, став экспертом, к которому Святослав Николаевич направлял обращавшихся к нему. Об этом вспоминал и А. Д. Алехин. Святослав Николаевич редко и мало кому писал, с Павлом Федоровичем же вел активную переписку и извещал о каждом своем приезде в Советский Союз телеграммой из Индии, приглашая на встречу.

О себе Павел Федорович говорил, что он по профессии – экономист, а по призванию – рериховед, и одно другому не мешает, а наоборот, дополняет. Каждый его день был непрерывным творческим процессом. После напряженного трудового дня он продолжал работать дома: изучал и сопоставлял события, факты, читал, размышлял, писал – словом, полностью отдавался исследованиям и самообразованию. Круг его интересов был необычайно широк. Он прекрасно знал мировую литературу, философов-классиков и восточную философию, изобразительное искусство, историю, классическую музыку. Об этом красноречиво говорит его уникальная библиотека.

Павел Федорович выявил и систематизировал литературно-философское наследие Н. К. Рериха, когда об этом никто не смел даже упоминать, не говоря уже о публикации. В 1968 году он предложил свой труд в «Ученые записки Тартуского государственного университета», в сборник «Труды по русской и славянской филологии», посвященный столетию со дня рождения М. Горького. И чтобы Библиография литературного наследия Н. К. Рериха могла быть опубликована, Павлу Федоровичу пришлось специально написать статью на тему «Рерих и Горький». Библиография же вошла в сборник в качестве приложения к этой статье! Тираж сборника был всего 500 экземпляров. Когда я спросила у Павла Федоровича, зачем он так поступает (в советское время Тартуский университет был периферийным учебным и научным учреждением), он ответил: «Важен сам факт публикации, чтобы в дальнейшем можно было уже ссылаться на научный источник». На экземпляре сборника, подаренном мне, Павел Федорович написал: «Кире на добрую память и с большой благодарностью за помощь, оказанную

при оформлении рукописи «Литературного наследия Н. К. Рериха». (Те, кто взяли на себя ответственность за издание «крамольной» работы, рисковали вместе с Павлом Федоровичем.) Теперь этот научный труд стал памятником культуры. Павел Федорович надеялся, что со временем Библиография будет дополнена, однако этого не случилось. Новый автор Д. Попов внес в нее дополнения и издал как собственную работу «светлой памяти Павла Федоровича Беликова»! (см. «Держава Рериха». М., 1994).

Благодаря Павлу Федоровичу летом 1956 года я впервые побывала в Риге у Рихарда Яковлевича Рудзитиса, а также в Художественном музее Латвии, где впервые увидела картины Н. К. Рериха, шедевры его живописи. Благодаря Павлу Федоровичу я попала в 1959 году и к Юрию Николаевичу Рериху.

В июне 1960 года я была в Ленинграде вместе со Святославом Николаевичем и Девикой Рани. Туда приехал на пару дней и Павел Федорович в командировку по своим служебным делам. Мы специально встретились и гуляли вдвоем по городу. Он сказал: «Кира, Вам выпало счастье так долго быть рядом с Великим Человеком. Это аванс! Придется отрабатывать».

С тех пор, как я начала проявлять интерес к Живой Этике, Павел Федорович стал бережно направлять мое внимание со знанием того, что было нужно именно мне. Свои ответы на вопросы он любил подкреплять наглядно, дополняя объяснения графически. Так, мое любопытство о космогонии натолкнулось на следующий ответ: «Не затрудняйте себя такими сведениями. Для Вас важнее думать об Общем Благе и каково Ваше собственное внутреннее содержание». Так мне был объяснен Закон соизмеримости и целесообразности.

Однажды Павел Федорович поразил меня мыслью о торжественности. Надо учиться сохранять торжественное настроение. Оно не допускает ничтожных раздражений и устремляет в Высь. Торжественность трудно удержать в каждодневности, но нужно стараться!

Павел Федорович очень бережно относился к Изображению Учителя. Когда в доме бывало много людей, он убирал Изображение со своего письменного стола.

От Павла Федоровича впервые в своей жизни я узнала о ближайших дарах эволюции, о трех отличиях века, которые должны быть приняты каждым человеком: высокое предназначение женщины, кооперация или сотрудничество, и психическая энергия как связь человека с Космосом. И это запечатлелось в моем сознании навсегда.

В чем должно состоять самовоспитание женщины? Прежде всего в осознании сердца! Женщина понимает сердцем. По природе своей она отличается большей тонкостью чувств и сознания. Женщине доступнее напряжение тонких энергий, и она должна учиться жить для развития своего потенциала. Не уповать на мужчину, да и вообще на кого бы то ни было, а напротив, оградить его и своих детей от пошлости и мерзости невежества, привести Мужское и Женское Начала в равновесие.

На своей фотографии, подаренной мне в июле 1960 года, Павел Федорович сделал следующую надпись: «Помнить, что только пламя собственного сердца освещает пути к Великому Свету».

Павел Федорович научил меня, как читать Живую Этику: непременно каждый день и обязательно составлять свой индекс. Это помогает лучше понять и усвоить прочитанное. Одновременно надо изучать письма Елены Ивановны Рерих, в которых содержатся пояснения к книгам Учения. «Учение должно быть обращено в потребность каждого дня. Устремление к духовному знанию не должно прерываться», – говорил он словами Живой Этики.

Первая книга Учения, которую Павел Федорович дал мне, была «Община». Там сказано: «Также не забудем, что нет на Земле выше данного плана Общего Блага», § 81. Книга учила постигать Закон сотрудничества, его простейшую взаимную основу – от сердца к сердцу.

После того, как «Община» была прочитана и перепечатана, Павел Федорович дал мне следующую книгу – «АУМ», рассказывающую о Всеначальной Силе, условно называемой пси-

хической энергией, которая должна быть развиваема человеком путем самосовершенствования и расширения сознания.

И наконец, третьей книгой Учения, которую дал мне Павел Федорович, было «Братство» – книга о Сотрудничестве и о Твердыне Знания.

Потом уже я могла брать у Павла Федоровича любые книги по своему усмотрению. Все перепечатывала в пяти экземплярах, отдавала Павлу Федоровичу, а кому он их дарил, не знаю.

Павел Федорович знал, что книги Учения можно читать и не по порядку. Они составлены так, что каждая может быть принята отдельно. В то же время система изложения идет по расширяющейся спирали. Однажды Павел Федорович привез из Ленинграда от сестер Митусовых обнаруженную им у них «Общину» 1926 года.[6] Это было для него невероятно радостным открытием. Вскоре оно подкрепилось публикацией из МИД СССР «Путь к Родине» в журнале «Международная жизнь» № 1, 1965. Книгу же Павел Федорович попросил перепечатать, что я и сделала во время своего отпуска. Для этого он специально принес с работы пишущую машинку. Я также перепечатала «Основы буддизма» и «Криптограммы Востока». Печатать подобные труды в те времена можно было только неофициально и это было опасно.

Печатала я для Павла Федоровича постоянно и его работы, а он разрешал мне оставлять себе один экземпляр без права показа. Также переводила с английского языка письма Девики Рани и все, что она присылала. Так как объем работы у Павла Федоровича возрастал, он приобрел кабинетную машинку и стал печатать свои черновики и письма.

90-летие со дня рождения Н. К. Рериха не отмечалось на государственном уровне. Павел Федорович выявлял все публикации и сведения о праздновании даты, собрав большой том. Таким образом был накоплен опыт общения и подготовки к масштабному празднованию 100-летия.

1974 год был объявлен ЮНЕСКО Годом Рериха. Чтобы на Родине Великого Деятеля Культуры эта дата была тоже достойно отмечена, Павел Федорович уже задолго до этого устанавливал нужные контакты с деятелями науки и искусства, направлял деятельность множества людей, превращая их в единомышленников и сотрудников. И в результате общих усилий 100-летие отмечалось официально на государственном уровне. В широкой прессе массовыми тиражами были опубликованы статьи о жизни и творчестве Н. К. Рериха. Центральным событием празднования явилось Торжественное собрание в честь 100-летия Н. К. Рериха в Большом Театре, где в то время проводились все наиболее значительные партийно-правительственные мероприятия. С тяжелой деревянной, украшенной гербом СССР, трибуны Большого Театра звучали доклады о Н. К. Рерихе, а Президиум сидел под большим его портретом. Святослав Николаевич, присутствовавший на торжестве, посвятил свое выступление родителям. В заключение своей речи он поблагодарил с этой трибуны не партию и правительство, как было принято, а «широкую советскую общественность».

В Москве в Академии художеств СССР открылась большая выставка картин Н. К. Рериха, а также первая научная конференция – Рериховские чтения. Затем эти конференции проходили в 1976 и 1979 г. в Новосибирском Академгородке, в 1982 году в Улан-Удэ, а в 1984 году, уже после смерти Павла Федоровича, снова в Новосибирске. Павел Федорович непосредственно участвовал в подготовке и проведении всех этих мероприятий как активный организатор и неоценимый источник информации.

Павлу Федоровичу приходилось давать отпор прохиндеям, которые пытались извратить мировоззрение и биографию Рериха. Помимо этого многочисленные так называемые «хорошие», но недалекие люди, тоже препятствовали естественному ходу событий. Эти проблемы нашли отражение в переписке Павла Федоровича, к которому стекалась вся информация как к абсолютному авторитету. Напряжение возрастало, он торопился, перестал обращать внима-

[6] Имеется в виду «Община», изданная в Урге в 1927 г.

ние на состояние здоровья, и в результате сильного переутомления у него случился обширный инсульт.

Павел Федорович Беликов – явление исключительное. И если Николай Константинович Рерих дал миру новую концепцию Культуры, то в лице Павла Федоровича Беликова был явлен новый вид деятеля Культуры.

Таллинн, 1 ноября 2000 г.

Наталья Санникова-Надточий
От водопада Новой Мызы…

Как водопад мчится жизнь, но немногие замечают это движение.
Агни Йога, 268.

Так можно перевести с эстонского название местечка Козе-Ууэмыйза, что почти в сорока километрах от Таллинна, куда я впервые попала без малого тридцать лет назад…

Летом 1972 года после окончания филфака в Калининградском университете я приехала в Эстонию, в Таллинн, где в ту пору жили мои родители, и поначалу чувствовала себя не очень уютно. Там, на юге Балтики, остались мои сокурсники, друзья, издания, с которыми я начала сотрудничать, а здесь все пришлось начинать сначала – искать работу и узнавать людей, правда, работа вскоре нашлась – корректором в городской газете «Вечерний Таллинн».

Как сейчас помню – за окном золотится сентябрь, время под вечер, в полупустой квартире в Мустамяэ, куда мы недавно переехали, тихо и пахнет краской. И вдруг неожиданный звонок в дверь. На пороге, глазам не верю, – калининградский знакомый. Слыл он большим чудаком и эрудитом, был полиглотом и увлекался древними и восточными языками, вел кружок латыни, читал в оригинале Гомера и «Махабхарату», говаривали, был даже йогом. Вот это сюрприз – «человек-легенда», «ходячая энциклопедия» у меня на пороге.

Не удивляюсь ни тому, что приехал он на какой-то семинар эсперантистов, организованный местным политехом, ни тем новостям, что при встрече любил обрушивать на слушателей. Что-то рассказывает о новой книге о Рерихе, вышедшей в Москве в серии «ЖЗЛ», и припоминает, что ее автор живет в Эстонии. – Как… в Эстонии?.. В Эстонии… – в это поверить было никак невозможно. Наверняка ошибся мой вестник. – Так значит в Таллинне? – допытываюсь я. Этого мой вестник утверждать не стал, обмолвился только о каком-то Козе, а вскоре заторопился и вовсе исчез, оставив меня один на один с потрясающим сообщением.

Подумать только, книга о Рерихе и вдруг из… Эстонии. Ладно бы написана была в Гималаях, на Алтае, наконец, где-нибудь в России, в Ленинграде, но чтоб в Эстонии – это уже было слишком. Новость не давала мне покоя, и, забросив все дела, я стала искать незнакомого мне Беликова в каком-то не менее незнакомом Козе.

Время шло, а мои поиски все затягивались. Выяснилось, что писатель Беликов в Таллинне не проживает, что в маленькой Эстонии, где все друг друга так или иначе знают, об авторе книги, ставшей сенсацией в книжном мире, и не слыхивали – ни в библиотеках, ни в художественном музее, ни в министерстве культуры, куда я тоже заглянула. Позже мне доводилось слышать множество занятных историй о том, как приехавшие в Эстонию люди искали Беликова и какие с ними случались курьезы, и об этом тоже стоило бы рассказать, но в другой раз.

Было сделано и еще одно любопытное открытие. Выяснилось, что всевозможных населенных пунктов вокруг Таллинна и по всей Эстонии, включая улицы, переулки, автобусные остановки и прочее с названием «Козе», превеликое множество. В этой маленькой стране, где всему принято давать очень красивые и поэтичные названия, связанные с лесом, цветами, в этом прибрежно-островном краю, само собой, очень популярна была и озерно-морская тематика – что ни фамилия, то Rand (берег), Saar (остров), Mere (море), не удивительно, что и «водопадов» оказалось немало. «Kose» – производное от «Kosk» (водопад). Так с поиска Беликова началось мое изучение Эстонии.

И вот однажды, где-то через месяц, в поселке Козе, что в сорока километрах от Таллинна, в местной конторе кто-то неуверенно посоветовал: – Может, Вам лучше в Козе-Ууэмыйза?

Там в нашем отделении «Эстсельхозтехника» главбух Беликов. Слышали, он что-то пишет… И мне дали номер телефона главбуха.

Когда я с замирающим сердцем набрала заветный номер, спокойный и ровный мужской голос ответил, что Павел Федорович Беликов, автор книги о Рерихе, готов со мной встретиться.

В ближайший выходной немедленно отправляюсь в дорогу с чувством острого любопытства и некоторого беспокойства – книгу-то я не читала и потому не знаю, как меня встретят. Пригородный автобус «Tallinn – Koze – Ravila» неспешно катит по Тартускому шоссе, делая остановки там, где с ветерком проскакивают междугородние экспрессы. В отличие от других мест Эстонии местность здесь скучная и равнинная – дорога широкая и прямая, вместо лесов небольшие перелески, а на границах колхозно-совхозных наделов хуторские постройки, да привычные уже глазу груды серых камней посреди поля.

День был серый, низкое небо слезливое, и трудно было понять, какая может быть связь между вот этим скучным пейзажем за окном и художником, воспевшим заоблачные гималайские вершины. На тридцать восьмом километре автобус резко повернул налево и, прокатившись еще километр-полтора мимо полей с постройками, напоминающими фермы, сделал остановку в центре небольшого поселка. Беликова нашла быстро – местные жители сразу указали, где живет главный бухгалтер Козеского отделения «Эстсельхозтехники», показав на небольшой двухэтажный дом городского типа.

Дверь открыл темноволосый немолодой мужчина среднего роста, широкоплечий, во всем его облике чувствуется что-то надежное и основательное. Карие глаза из-под густых низких бровей смотрят пристально-внимательно, и вдруг приветливая улыбка освещает его лицо. Мой рассказ о хождениях за три моря в поисках автора нашумевшей книги слушает немного рассеянно и в ответ шутит добродушно-весело, по всему видать, тема местной «популярности» его беспокоит мало.

Большая из двух комнат в этой не слишком просторной квартире – кабинет хозяина – похожа на квартиру-музей или мемориальный кабинет Н. К. Рериха – сполохи нездешне ярких красок в репродукциях картин на стенах, редкие фотографии в рамках, бронзовое мерцание индийских маленьких будд на письменном столе, множество книг в потемневших от времени переплетах. И только высокая труба поселковой котельной, часть асфальтированной дороги, ведущей к автобусной остановке, да деревья ближнего сада напоминают об эстонской глубинке.

Пока мы смотрим фотографии – многие из них впервые увидели свет в только что вышедшей книге, а другие еще дожидаются своей очереди, все эти снимки-документы, снимки-живые свидетельства о дотоле никому неизвестных эпизодах жизни художника и его семьи в Индии, – к нам тихонько подсаживается жена Павла Федоровича Галина Васильевна, на коленях вязание – носочки для четырехлетней внучки Гали. Потом, как водится в гостеприимных семьях, кофе-чаепитие за большим столом на кухне со всеми членами семьи. Во время прогулки в прекрасном парке, где хорошо сохранился двухэтажный помещичий дом на берегу живописной речки, опять разговоры, и мои безнадежно дилетантские расспросы. Знала бы я тогда, что такие случайные визитеры, как и званые гости, у Беликовых годами бывали почти ежедневно.

Лишь поздно вечером, переполненная впечатлениями от всего увиденного и услышанного, возвращалась я домой. Автобус шел бесконечно долго и почему-то на остановках подолгу задерживался, а мне так не терпелось побыстрее приехать и кому-то немедленно обо всем рассказать. Меня переполняло незнакомое дотоле счастье.

Где-то я читала, что человеческая память коротка, она охватывает лишь тридцать лет, а остальное легенда. И я уже стала думать, что могу что-то преувеличивать, как вдруг моя мама, человек очень сдержанный и точный во всем, заметила: «Помню твои поездки в Козе. Ты всегда возвращалась радостно-возбужденная и долго обо всем рассказывала. Ты знала Беликова, поэтому должна о нем рассказать». Выходит, я ничего не преувеличиваю! – была именно та радость, которая зажигает в человеке яркие огни-звезды.

Мой рассказ об эстоноземельце, скромном бухгалтере из провинции, собравшем уникальный архив Рериха, и авторе книги-сенсации, мгновенно исчезнувшей с книжных прилавков тогдашнего Союза, появился одновременно на эстонском и русском языках и сразу попал на доску лучших недельных публикаций. Как я понимала, не потому, что был как-то особо лихо или затейливо сделан, а оттого, что его герой вызывал неподдельно живой интерес у читателей и выделялся на фоне скучного официоза и вымороченных очерков о передовиках соцсоревнований тех лет.

Когда я во второй раз появилась в Козе-Ууэмыйза уже с газетами, мы встретились как старые знакомые, и разговор пошел доверительный. Мой собеседник не скрывал радости, что через месяц-два выходит на пенсию и, наконец-то, сможет посвятить все свое время любимому делу. Надо дописать начатые книги о Н. К. Рерихе, очень много предстоит работы в связи с подготовкой к столетнему юбилею со дня рождения известного художника. С удивлением услышала я тогда о его давнем желании перебраться на жительство на Алтай, а когда поведал о настойчивых приглашениях Святослава Николаевича к себе в гости в Индию, и вовсе изумилась:

– Отчего ж Вы не едете!? – не поверила я.

– Пока не могу, работы много, – отвечал он спокойно.

Много позже я как-то опять поинтересовалась у Галины Васильевны, отчего Павел Федорович несмотря на то, что Святослав Николаевич всегда звал его к себе в гости, в Индию так и не съездил, она лишь махнула рукой:

– Какая там Индия! Вы не представляете, как он был занят!

В тот раз как бы между прочим Павел Федорович вдруг предложил:

– Может, займетесь темой «Рерих и Эстония»? У меня до нее все руки не доходят. От неожиданности я не нашла, что сказать и только спросила:

– А разве Рерих здесь бывал?..

Ничего не обещаю, говорю, что хочу все как следует обдумать, а вернувшись в Таллинн, несмотря на массу сомнений и проблем, сама не зная почему и зачем, уже не вылезаю из библиотек и архивов, но Беликову на всякий случай пока ни о чем не сообщаю. Да только в Козе-Ууэмыйза и не сомневались, что я именно так и поступлю. Вскоре оттуда пришло «материальное подкрепление» – статья Н. К. Рериха «Эстония» и копии писем художника к молодому Беликову, направленные ему в тридцатые годы. А вскоре мой новый знакомый и поторапливать меня стал. По его планам, статья должна была появиться в юбилейный год и, как он считал, в «Лооминге», наиболее солидном и читаемом журнале на эстонском языке.

Все складывалось так, что и моим первым редактором тоже стал Павел Федорович. Он с особой точностью проверял все историко-научные факты, и когда первый вариант работы, на его взгляд, получился поверхностно-общим, я сама взялась все переделать, конкретизировать тему и подкрепить все новыми фактами. С его стороны никогда не было никакого нажима, напротив, делался вид, что я всему голова, а когда он почувствовал, что уже достаточно «втравил» меня в тему, и убедился, что я поняла, чего он от меня хочет, перестал опекать. К сожалению, через год мне пришлось уехать на северо-восток Эстонии в город Кохтла-Ярве, и тогда Павел Федорович взял переговоры с редакцией журнала на себя, благо, к столице был ближе, прекрасно владел эстонским и знал особенности хождений по местным инстанциям.

«Хочется надеяться, – написал он 6 июня 1974 года, – что “Лооминг” не подведет. Возможно, у них будут свои пожелания по содержанию статьи. Каждая редакция предъявляет свои требования, но Кург[7] уверял меня, что тема их интересует и статью они хотят поместить». Однако в журнале отчего-то не спешили, и сентябрьский номер тоже вышел без Рериха…

[7] Кург – заведующий отделом критики журнала «Лооминг» («Творчество» – в переводе с эстонского).

И тогда Беликов предпринял решительные действия, неожиданно обнаружив себя опытным бойцом, которого поначалу в нем за мягкостью и деликатностью было и не разглядеть. Словом, когда в сентябре из Козе пришло письмо, в конверте я обнаружила трех-страничную копию послания в редакцию с самым подробным и обстоятельным перечнем всех юбилейных мероприятий в честь празднования столетия со дня рождения всемирно известного художника, проводимого под эгидой ЮНЕСКО. Само собой, были сообщены все книги и публикации, которые должны были появиться, в том числе и в бывших союзных республиках, не исключая Литву и Латвию. Вывод напрашивался сам – если моя статья в «Лооминге» не появится, Эстония единственная «проманкирует» самое значительное в тот год в жизни страны культурное событие. Статья появилась, но… в декабре.

Вот так один за другим получала я уроки Павла Федоровича – как работать, как доводить начатое до конца, как избавляться от верхоглядства и восторженно-дешевого популизма там, где речь шла о Рерихе, и вот еще один – как не отступать от поставленной цели. Позже это свое правило он сформулировал в письме к Гаральду Феликсовичу Лукину в Ригу так: «…Не терпеливо ждать, а готовить все возможности». (12 августа 1977 года).

У меня сохранились письма от Беликова, их двенадцать. Есть и поздравительные открытки – удивительно, что он никогда не забывал поздравить ни с Новым годом, ни с каким-либо важным жизненным событием. Недавно, перечитав их, я вдруг обнаружила в письме от 14 октября 1973 года такие строки: «Я рекомендовал бы Вам построить свою статью в ключе “национальное и интернациональное в творчестве и мировоззрении Рериха”. Тема эта перспективная. Она еще подробно не разработана. “Рерих и Эстония” была бы в этом отношении “пробой пера”…»

Почему я могла не придать значения его совету? Скорее всего такой поворот темы мне показался скучным, ведь у нас у всех в далекие семидесятые был один адрес – «не дом и не улица», а огромный Советский Союз. И очевидно стало, какой необычайно тонкой интуицией и невероятным предвидением обладал исследователь Рериха – именно этот вопрос стал одним из самых узловых и горячих в нашей общей бывшей стране.

Уже и тогда, в пору нашей совместной работы над статьей, я не раз думала: ну зачем ему, крайне занятому известному рериховеду, хлопоты с чужими публикациями, зачем отдавать материалы, которые по крупицам собирались всю жизнь, зачем терять время на переговоры с редакциями и читать чьи-то черновики? Тогда я не могла ответить на этот вопрос, а задать Павлу Федоровичу не догадалась. Зато теперь у меня нет сомнений, что Беликов мастерски «втравил» меня в тему. «Рерих и Эстония» не оставляют меня и сейчас, и материалы, как ни удивительно, продолжают идти… По-своему не отпускает меня и Козе-Ууэмыйза…

Когда через несколько лет я опять вернулась туда, Павла Федоровича уже не было. И обожгла мысль: как быстро промчались годы с той осени 72-го, когда мы только встретились! Когда он только обретал свободу от необходимости ежедневно трудиться для хлеба насущного и только готовился полностью посвятить себя главному делу своей жизни. А оказалось, времени, которого он так ждал, ему было отпущено несправедливо мало – менее десяти лет. Он ушел от нас в мае 1982-го, и в последние годы мог работать с огромным трудом, лишь в моменты, когда мучительные боли в руке отпускали его.

Когда лет пятнадцать назад по заданию журнала «Таллинн» я подготовила серию материалов о Беликове, я полагала, что о Павле Федоровиче знаю все, а сейчас готова признаться, что знаю о нем ничтожно мало и что его личность для меня огромная загадка.

Так кто же он, как скажут в Эстонии, где отчество употреблять не принято, Павел Беликов? Скромный бухгалтер с экзотически-причудливым хобби? Именно так однажды представили его в эстонской прессе, когда модны были рассуждения о всевозможных развлечениях скучающих людей и пропаганда кружков по интересам.

…Однажды внучка Павла Федоровича, повзрослевшая Галя Беликова, показала небольшой двухэтажный дом, в котором перед пенсией главбухом работал ее дедушка, – контора Козеского отделения «Эстсельхозтехники». С тротуара через окно на первом этаже было хорошо видно его рабочее место – небольшой канцелярский стол, стул, на столе счеты. Мы прошли по улице, по которой он после службы заходил на почту, в небольшой поселковый магазин, и я хорошо представила внешне ничем не примечательную, размеренную, как и у всех в этом местечке, жизнь. Вспомнилась наша первая встреча, когда в разговоре «обо всем» Павел Федорович обронил:

– Так получилось, что хлеб насущный давало одно, а пищу духовную – другое. И знаете, – добавил он, – одно другому не мешало, никакого раздвоения не было…

По рассказам родственников, он был очень веселым, удивительно гармоничным и цельным во всем, производил впечатление счастливого человека. У него был талант прекрасно ладить с людьми, никогда не было и намека на исключительность или снобизм, он всегда в поселке первым со всеми здоровался, что же касается распорядка, тут уж у него все было строго: с утра до шести вечера – за бухгалтерским столом, с восьми до двенадцати – дома за письменным.

И все же, кем был Павел Федорович Беликов? Может, и в самом деле, чудаком из провинции, не представлявшим ценности своего архива и потому так легко раздававшим свои материалы? Сохранилось любопытное письмо Павлу Федоровичу от Ивана Антоновича Ефремова, известного ученого-палеонтолога и не менее известного писателя, автора бестселлеров тех лет – «На краю Ойкумены», «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Час быка», «Таис Афинская». В 1970 году непревзойденный фантаст, получив по почте от Беликова, с которым переписывался, бандероль с одним из томов «Тайной Доктрины», немало разволновался и по-дружески решил предупредить уважаемого им человека, раскрыв ему глаза на некоторые обстоятельства:

«Она столь большой ценности, что я не решаюсь ее выпустить из рук <…>. Посылать ее тоже страшно <…> помимо всего – это просто ценность денежная, как и огромная редкость <…>. Как раз в санатории я читал английский журнал, специально посвященный антиквариям. Там была статья, что в то время как стоимость жизни в Англии с 1954 по 1970 г. вздорожала в среднем вдвое, книги (новые) вздорожали в пять-шесть раз, а старинные в 8–11 раз! Сравнивая Вашу книгу с ценами, отмеченными в журнале, думаю, что там бы она стоила пять тысяч англ. фунтов – цена для нас вообще несообразная, так как в переводе на товарную стоимость это от 25 до 40 тыс. рублей наших! Это я к тому, какие у нас есть книжные ценности, каких мы и сами не знаем, чем очень пользуются люди, знакомые с международной конъюнктурой и скупающие у букинистов все, имеющее подобную валютную ценность <…>. Может, я и переоценил Ваш том, но во всяком случае, его денежная ценность очень велика и хранить его надо!» (25 сентября 1970 года).

Неизвестно, что ответил на это дружеское предупреждение «знающего» человека Беликов, только и «Тайная Доктрина», и множество других его не менее редких книг годами продолжали путешествие по стране от одного корреспондента к другому.

Павлу Федоровичу тоже немало приходилось ездить по стране, поскольку официально он числился консультантом на Киевской киностудии документальных фильмов. Коротко летом 1974-го он мне сообщил: «Я сейчас немного прихворнул, очевидно, просто переутомился. Недавно вернулся из “кругосветки”: Москва, Ленинград, Старая Ладога, Извара, Валаам, Остров, Изборск, Таллинн. Ездил с режиссером и двумя операторами фильма о Н. Рерихе, который начали снимать и к которому я причастен в качестве консультанта, фильм будет полнометражным. В начале будущего года предполагают снимать в Индии. Сейчас группа находится на Алтае. Моя поездка по местам, связанным с жизнью и деятельностью Рериха до 1919 года, была очень интересной. Многое отобрали для съемок, а часть уже снимали. Вот только темпы

поездки были “сногсшибательными”. Большие концы на машинах с аппаратурой, на моторной лодке по Ладоге, на поездах, на пароходах. Все это воистину с кинематографической скоростью и мелькало, как кадры на экране. Теперь понемногу отхожу и возвращаюсь к обычным ритмам жизни…»

Но если «кругосветки» еще входили в его служебные обязанности, то все остальное… Неофициально всеобщим признанием он был главным рериховедом в стране и главным экспертом по Рериху. Потому и обращались к нему с бесконечными просьбами отрецензировать, отредактировать, доработать, посоветовать, «поддержать» материалами кандидатские, докторские диссертации, научные и прочие статьи, монографии, рукописи книг. И он читал, правил, рецензировал, писал тезисы докладов молодым ученым и специалистам на многочисленные в ту пору всесоюзные, республиканские, международные совещания и симпозиумы, а кроме того разрабатывал тематику всесоюзных рериховских конференций, рериховских чтений, нередко составлял планы выступлений докладчиков и, как правило, формировал состав выступавших, ибо никто лучше него не знал, кто из специалистов может быть особенно полезным в освещении какой-либо темы о Рерихе.

В его крупнейшем в ту пору в стране архиве Н. К. Рериха, насчитывавшем более четырех тысяч единиц хранения, постоянно кто-то работал, порой месяцами. И кто здесь только ни бывал. Как-то в Козе я обнаружила папку, в ней лежало восемь авторефератов диссертаций на соискание ученой степени кандидатов всевозможных наук, и все со словами благодарности хозяину архива.

Писатель Валентин Сидоров поблагодарил Беликова словами: «Дорогой Павел Федорович! Вы незримо присутствовали на защите диссертации, потому что в значительной части своей она опиралась на Ваш архив. Эта книжечка – лишь слабое выражение благодарности “диссертанта”. Ваш Сидоров. 3.3.78. Москва». На присланной им в Козе книге «На вершинах» тоже слова признания: «Без Вас, без Вашего участия, без Вашей помощи, без Вашего архива, дорогой Павел Федорович, не было бы книги. Примите ее в знак уважения и глубокой моей признательности. Ваш В. Сидоров. 3.3.78. Москва». К сожалению, эти теплые слова высказаны были только приватно, так сказать, в обиходе «служебного пользования», а в произведениях автора «таллиннский биограф Рериха» упомянут лишь раз, скороговоркой, мимоходом в повести «Семь дней в Гималаях».

Рериховед из Эстонии и его помощь архивам, музеям, картинным галереям, мемориальным кабинетам – тема особая и совсем не простая, и чтобы повествование не вышло бесконечно долгим, лишь несколько отдельных сюжетов.

Мне не раз доводилось бывать в мемориальной усадьбе Н. Рериха «Извара», что недалеко от эстонской Нарвы, в Волосовском районе Ленинградской области. Приезжали на экскурсионном автобусе из Таллинна, прибывали из Ленинграда вместе с участниками Всесоюзной конференции в честь 115-летия со дня рождения Н. К. Рериха. Извара принимала радушно, устроив гостям по-хорошему большой, феерический праздник, все любовались нарядным ухоженным домом с башенками и флюгерами, хорошо продуманной экспозицией «Рерих в Изваре».

Но вот как-то в Козе-Ууэмыйза попалась на глаза толстенная папка с крупной надписью на корешке «Извара», оказалось – свод документов по изварскому дому. Летопись долгой и трудной истории, в эпицентре событий которой Павел Федорович был несколько лет. Теперь и представить невозможно, что еще в середине семидесятых на месте прекрасного дома чернели лишь обгоревшие остова, и здание заново отстраивали по эскизам и старым рериховским рисункам при самом активном участии рериховеда из Козе. Он, как и архитектор А. Э. Экк, взявшийся воскресить дом из небытия, был членом комиссии по организации мемориала Н. К. Рериха в Изваре, а возглавил активную группу академик Д. С. Лихачев. Когда же здание будущего музея было, наконец, возведено, началась ведомственная чехарда.

Беликов был в курсе всех изварских дел, о них ему постоянно сообщали его собственные ленинградские корреспонденты. О том, что в доме разместился сельсовет и проводятся бракосочетания, в соседних комнатах расположилась библиотека, в мезонине – детская художественная школа, что вследствие полной бесхозности в морозы лопаются трубы отопления, текут потолки и непонятно по какой причине отсутствует водопровод. А в это время в Индии, в Бангалоре, Святослав Николаевич тоже беспокоился: «Много получил газетных вырезок о восстановлении дома Н. К.[8] в Изваре, – пишет он своим стремительно летящим почерком. – Бывали ли Вы там? Было бы очень хорошо, если бы Вы туда как-нибудь поехали, посмотрели, что там делается. Дом был старинный, пишут, что остался детальный рисунок, подаренный Стасову. Что осталось от дома? Очень хорошо, если это будет Библиотека-музей, Н. К. был бы этому очень и очень рад. Пусть его память озаряет живое дело именно там, где было положено основание его дальнейшим устремлениям».

И когда вопросы устройства в доме мемориального музея были решены, Беликов подарил в Извару сто сорок снимков семьи Рерихов, сорок неопубликованных очерков из автобиографической серии «Листы дневника», книги и другие уникальные материалы. 192 негатива он посылает в Кабинет Н. К. Рериха при Музее искусств народов Востока в Москву, а также 150 неопубликованных очерков Николая Константиновича из серии «Листы дневника. Моя жизнь». Заведующей Кабинетом при музее О. В. Румянцевой 4 сентября 1979 года он сообщает: «Письма Е. И.[9] я смогу для Вас устроить». Столько же документов передается им в Барнаульский краеведческий музей и в музей в Верхнем Уймоне на Алтае. Из Новосибирской и Горьковской областных картинных галерей, Русского музея в Ленинграде, отовсюду в Эстонию шли письма с просьбой помочь, посоветовать, поддержать:

«Вы единственный человек, который лучше всех знает Рерихов, поэтому напишите, пожалуйста, что Вы считаете необходимым представить в экспозиции. Какие документы, материалы, фотографии и прочее, чтобы нам не испортить с самого начала благие намерения», – письмо из Дирекции музеев Ленинградской области.

Мне всегда было любопытно встретиться с Валентиной Павловной Князевой, которую Павел Федорович пригласил в соавторы своей книги о Рерихе в серии «ЖЗЛ». Поэтому в один из приездов в Ленинград я нашла ее в Русском музее. Старший научный сотрудник, кандидат искусствоведения, заведующая отделом живописи рассказала:

«Помню, делала первую рериховскую выставку. Было это в конце пятидесятых, когда вернувшийся в 1957 году на родину Юрий Николаевич Рерих привез в дар нашей стране завещанные отцом полотна. Событие в культурной жизни страны огромное. На наш музей буквально сваливается настоящее богатство – триста рериховских картин! Выставку надо открывать, все волнуются, народу толпы, а мы, сотрудники, не знаем, как и подойти к полотнам. Раннего-то Рериха все “проходили”, он вошел во все учебники, а позднего видим – впервые.

Юрий Николаевич охотно взялся нам помочь, толковал сюжеты, объяснял содержание, но успел провести только два занятия. Неожиданно ушел из жизни, и оборвалась цепочка между нами и полотнами. Каким-то образом о нашей беде узнал Павел Федорович, приехал и сделал то, что не успел Юрий Николаевич Рерих.

Несколько позже сама жизнь заставила меня сесть за книгу (“Рерих-художник”. – *Н. С.*), чтобы осознать Рериха как явление. И опять трудность – нет никаких материалов о позднем Рерихе. И вновь помощь из Эстонии».

И еще одна сторона жизни исследователя, мало известная, как бы он сам о себе сказал, «не флаговая» (в письмах он разделял работу на «флаговую» и «работу по закладке фундамента») – ежедневная, кропотливая, невидимая миру работа, отнимавшая массу времени

[8] Здесь и далее: Николай Константинович Рерих.

[9] Здесь и далее: Елена Ивановна Рерих.

– переписка с корреспондентами. Среди одних только постоянных было ни много ни мало от сорока до пятидесяти человек. Немало приходило и разовых посланий. Такие, вспоминает сын Павла Федоровича Кирилл, время от времени мешками выносились в подвал. Переписка, порой длившаяся годами, требовала особого внимания, такие письма и копии ответов на них раскладывались по отдельным папкам, чтобы через неделю-месяц можно было продолжить беседу. Нередко это были философские диалоги по самому широкому спектру тем. Порой особо любознательные авторы задавали разом до двадцати вопросов, и ответы на них, безукоризненно выверенные, часто напоминали библиографические справки или научные комментарии. Беликов знал – ошибаться нельзя, его будут цитировать, на него будут ссылаться, они лягут в основу будущих научных работ. В поселке шутили, что почта у них работает на Беликова, потому как кроме беспрерывного потока писем были бесконечные ценные бандероли, заказные отправления.

Одно время мне довелось работать в отделе писем республиканской газеты, где с письмами читателей мы возились вчетвером – учетчик, два корреспондента и заведующий, и я могу представить, какой это тяжелый крест – годами подобную работу вести одному. И трудно, просто невозможно понять, когда он умудрялся трудиться над рукописями нескольких собственных начатых книг.

Той колоссальной ответственности и огромного объема работы, которые он сознательно до последних своих дней брал на себя, с лихвой хватило бы на целый коллектив специалистов. Это он и сам понимал, но до поры, пока не созрели условия для создания такого коллектива, пока не был заложен фундамент, о необходимости которого он часто писал в своих письмах, вынужден был оставаться одиночкой.

В последние годы он много делал для создания коллектива единомышленников: «У меня возникла идея создать специальную комиссию по наследию Н. К. Рериха, которая могла бы координировать весьма разрозненную деятельность отдельных исследователей, авторов, учреждений. Как-то дело продвинулось, но надо еще преодолеть не одну министерскую инстанцию, а все это требует штурма бюрократических бастионов» (9 января 1977 года). 20 мая того же года в письме к Евгению Маточкину в Новосибирск опять о наболевшем: «…Если бы удалось создать предложенную мной Комиссию, все бы было проводить легче. Был бы определенный канал официальных предложений. <…> Все стараются прожить поспокойнее и от лишних дел и ответственности открещиваются».

А если и в самом деле, если просто по-житейски спросить, зачем ему, крайне занятому известному рериховеду, нужны были бесконечные хлопоты, чужие заботы и постоянное беспокойство? Может, в силу характера трудно было уйти от рутинной работы, или не умел отказывать многочисленным любопытствующим и просителям?

Гунта Рихардовна Рудзите, а она с Павлом Беликовым была очень дружна, когда я лет десять назад навестила ее в Риге, вспомнила, что Павлу Федоровичу предлагали стать членом Союза писателей, а он отказался. Почему? Почему не поехал к Святославу Николаевичу Рериху в Индию, несмотря на приглашения и мечту там побывать? Не воспользовался возможностью полечиться в Болгарии, когда Святослав Николаевич передал ему путевку через писателя В. М. Сидорова (вспоминает сын Павла Федоровича Кирилл Павлович)? Это все вопросы, ответы на которые мог бы дать только он сам, Павел Беликов.

Отчего-то всегда, когда я видела репродукцию картины Н. К. Рериха «Сергий-строитель» – на ней темная фигура старца, склоненного с топором над срубленным деревом, – я невольно вспоминала Павла Федоровича. Такое же неустанное труженичество подвижника, сознательно принимаемая ответственность, которая всегда будет мерилом величия духа. Однако это было всего лишь мое предчувствие. О самом сокровенном собиратель из Козе никогда не писал и не говорил всуе.

Однажды, рассматривая уникальную библиотеку в Козе, я взяла с полки небольшой томик в коричневом переплете.

– «Махабхарата» всегда была у Павлика под рукой, – заметила вдова Павла Федоровича Галина Васильевна, показывая дарственную надпись на обложке, сделанную Борисом Леонидовичем Смирновым, академиком АН Таджикской ССР, выдающимся ученым, профессором, блестящим нейрохирургом, зав. кафедрой нервных болезней Туркменского мединститута и одновременно талантливым переводчиком «Махабхараты». – А вот это, – протянула она папку с пожелтевшими конвертами, – письма Смирнова.

Да простится нам прикосновение ли, вторжение ли в чужое сокровенное, подслушанный диалог двух горних духов…

Письма – свидетели событий исключительных и волнующих, запечатлели момент напряженного и трагического рождения замечательных явлений отечественной культуры. Переписка завязалась в годы, нелегкие для обоих, когда смертельно больной академик торопился использовать каждую минуту между атаками болезни, чтобы закончить перевод с санскрита великого древнеиндийского эпоса, к которому лишь с семнадцатой попытки нашел поэтический ключ, ранее никому из переводчиков неведомый. В то же время Павел Федорович работал над книгой «Рерих-мыслитель» и искал для себя ответы на сложнейшие вопросы. Пока был жив старший сын Н. К. Рериха Юрий Николаевич, Беликов обсуждал с ним «узловые» вопросы во время своих частых встреч с востоковедом в Москве, а потом Юрия Николаевича не стало… Это была величайшая потеря для исследователя. Именно поэтому начавшаяся в 1964 году переписка со Смирновым была для рериховеда величайшим подарком судьбы.[10]

В одном из своих писем Б. Л. Смирнову Беликов, тогда никому неизвестный собиратель архива из Эстонии, присылает академику репродукцию с картины Н. К. Рериха «Святой Сергий», чем немало озадачил переводчика.

«Не могу утверждать, что Вы “для первого знакомства” прислали мне репродукцию картины “Сергий” вполне сознательно, но уж, конечно, и не “случайно”» (20 мая 1965 г).

П. Ф. Беликов – Б. Л. Смирнову:

«Посылая репродукцию с картины “Сергий”, я не преследовал какой-либо определенной цели. Но послал ее, конечно, не случайно. Прежде всего, я не послал бы ее человеку, во внутренней сущности которого я был бы не уверен. Чтение Ваших предисловий и примечаний к книгам “Махабхараты” не могло оставить меня равнодушным к Вам не только как к ученому, “делающему свою работу”, но и как к человеку, делающему свою жизнь. Репродукция “Сергия” была своего рода “заявкой” на обмен мнениями по основной тематике…» (6 июня 1965 г.).

Б. Л. Смирнов – П. Ф. Беликову:

«Я очень, очень благодарен Вам за Правду Ваших писем. Скажу откровенно, мне не раз писали люди Вашей ориентации, но далеко не Вашей правдивости и чистоты. Это чувствуется резко» (письмо не датировано).

П. Ф. Беликов – Б. Л. Смирнову:

«Глубокоуважаемый Борис Леонидович <…>. Было бы недостаточным сказать, что я очень ценю возникшую между нами переписку. Я чувствую, что она ведется в плане, где обмен мнениями влечет за собой большую ответственность, где сталкиваются не только два мировоззрения, но и два жизненных пути. И здесь, конечно, нельзя быть не до конца искренним. И особенно потому, что если “На каком бы пути ни приблизился ко мне человек, на том пути и благословлю его”, то вряд ли у меня и Вас могут возникнуть сомнения в цели наших путей. Цель, конечно, одна – Высший смысл жизни и стремление следовать Ему в мыслях и действиях» (6 июня 1965 г.).

Б. Л. Смирнов – П. Ф. Беликову:

[10] Все фрагменты писем цитируются по документам из архива П. Ф. Беликова.

«Месяц прошел со дня получения Вашего письма. Месяц длительных и напряженных бесед с Вами <…>. Тема нашей переписки для меня жизненно важна в буквальном смысле слова, Вы – единственный человек, общение с которым по этой важнейшей для меня теме мне предоставила Жизнь <…>. Вот написал Вам большое письмо, а будто бы и не писал, так много еще осталось тем…» (20 мая 1965 г.).

Смирнов работает на пределе физических возможностей и часто из-за неспособности встать с постели кладет на одеяло дощечку для письма. В это время ему приходит приглашение от министра образования Индии посетить его страну, и через Павла Федоровича уже есть договоренность о встрече со Святославом Николаевичем Рерихом. К сожалению, смерть академика помешала этой встрече, но он успел сделать перевод всех философских текстов «Махабхараты» и подстрочный черновой перевод десятой книги «Успение».

«Свою чашу земного Подвига Борис Леонидович наполнил до краев…» – такими словами откликнулся Павел Беликов в письме-соболезновании к вдове академика Л. Э. Лысенко-Смирновой. А она через пять лет поблагодарила: «Спасибо за Ваш большой, самоотверженный труд-битву. Желаю победы» (24 августа 1972 г.).

К сожалению, Павел Беликов главные свои книги закончить не успел, хотя тоже очень спешил. Но он все же успел сделать то, что считал для себя не менее важным – передать свои знания: «Ряды молодых растут и ширятся, и этому делу нужно сейчас отдавать остаток своих сил и знаний. Как говорится, “умирать собирайся, а поле сей”. Эстафета должна быть передана, кто-то донесет ее к нужному сроку в положенное место», – писал он 16 марта 1976 года Г. Ф. Лукину в Ригу.

Всегда чрезвычайно скромный, совершенно чуждый амбициям, в письмах он называл свой архив источником для новых исследований и конечно же, как всегда, преуменьшал свою роль. Живительная родниковая вода этого источника превратилась в мощный духовный водопад для всех ищущих высший и светлый путь в жизни.

Таллинн, февраль 2001 г.

Людмила Шапошникова
Хранитель

«В иных встречах, в иных сплетениях событий, не представляющих на первый взгляд ничего исключительного, сокровенная сущность нашего бытия проявляется гораздо ярче, чем в нашей повседневной жизни».
Ги де Мопассан

В мае 1972 г. Святослав Николаевич Рерих пригласил меня погостить на его вилле в Гималайской долине Кулу. Там я впервые увидела не только непередаваемую красоту самых высоких на нашей Планете гор, но и соприкоснулась с уникальным и неповторимым миром Рерихов. На вилле все осталось так, как было при Николае Константиновиче и Елене Ивановне. Святослав Николаевич поселил меня в комнате своих родителей, где был камин, стояли две кровати, а у старинного шкафа – кресло, в котором, как он объяснил мне, любила сидеть Елена Ивановна. Комната эта соединялась с другой, много меньшей, с окном на двуглавую заснеженную вершину Гепанга. Здесь были только простой, деревянный письменный стол и стул с высокой спинкой. Святослав Николаевич провел рукой по столу, на котором лежали какие-то бумаги, посмотрел в окно и на какое-то мгновение задумался.

– Вот здесь, на этом столе, – сказал он, – моя матушка записывала многое из того, что потом составило книги Живой Этики. Теперь за ним будете работать вы, если, конечно, вам это понадобится. – И улыбнулся чуть хитровато. – А спать будете тоже на ее кровати.

Две недели, которые я провела на вилле Рерихов, прошли быстро, как один день. Они были наполнены массой разнообразных впечатлений, прогулками по Наггару и окрестным деревням и, самое главное, ежедневными беседами со Святославом Николаевичем. Мы вели их на скамейке, стоявшей под раскидистым деодаром во дворе виллы.

– Ну, так что нам еще надо узнать? – обычно спрашивал он, и начиналась беседа, которая длилась иногда по три часа.

Те две недели в Кулу как бы перевернули всю мою жизнь и направили ее, неожиданно и резко, совсем по другому руслу.

Накануне моего отъезда Святослав Николаевич вручил мне два письма. Одно – для Ираиды Михайловны Богдановой, другое – для Павла Федоровича Беликова. Тогда я еще никого из них не знала. С Богдановой было проще – она жила в Москве, а вот Беликов обитал в Эстонии. И я, сделав небольшую приписку к письму Рериха, отправила его по указанному адресу. Выполнив свой долг, я забыла и о самом письме, и о незнакомом мне человеке.

Но через некоторое время, к моему удивлению, пришло письмо от Беликова, в котором он сообщал, что скоро будет в Москве и хотел бы со мной встретиться. Когда он приехал, я пригласила его к себе домой и так состоялась наша первая встреча. Павел Федорович оказался человеком общительным, живым и разносторонним. Мы говорили с ним о Кулу, о Рерихах и потом перешли к проблемам рериховского наследия. Он сообщил мне о том, что до сих пор нет даже комиссии по наследию и что если такое случится, то это будет только начало, и что необходим Музей Рерихов. Беспокоился о приближающемся юбилее Николая Константиновича в 1974 г., говорил о трудностях, которые могут в это время возникнуть.

Как было положено в то время, мы оба соблюдали осторожность в высказываниях, ибо практически ничего еще не знали друг о друге. По мере узнавания Павла Федоровича я все больше удивлялась, потом изумлялась и, наконец, поняла, что передо мной человек необычный, уникальный, неповторимый. Он был отмечен печатью той истинной интеллигентности, которая ушла из нашей жизни давно, под грохот революционных взрывов, была уничтожена

на полях гражданской войны, убита в сражениях Великой Отечественной и погибла в тюрьмах и лагерях. Он обладал не только интеллектом и образованностью этой интеллигентности, но и ее твердостью, мужеством, я бы сказала, какой-то ее несгибаемостью. Очень трудно было с первого взгляда заподозрить все это в скромном человеке, жившем в небольшом поселке Козе-Ууэмыйза в Эстонии и работавшем в бухгалтерии цементного завода, расположенного на окраине этого поселка. У него было все, «как у людей», – семья, дети, маленькая двухкомнатная квартирка, палисадник у дома, где цвели розы и росла клубника, огород за поселком, у леса. И мало кто мог заподозрить в нем того Павла Федоровича Беликова, который был, если можно так сказать, «человеком судьбы». Иными словами, тем человеком, которого судьба поставила на одно из жизненно важных мест и определила ему миссию, связанную с явлениями, о которых никто в этом отдаленном поселке и не слыхивал. На этом месте он оставался, несмотря ни на какие жизненные невзгоды, до своего последнего вздоха. Ту миссию, которую он выполнял большую часть своей жизни, я назвала бы миссией Хранителя с большой буквы, ибо в самых тяжелых и противоречивых исторических условиях нашей страны он сохранил для нас имя и деяния великих наших соотечественников – Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов. И не только сохранил, но и многие годы сам неутомимо работал над тем, чтобы эти имена не были преданы забвению и обрели бы хоть какой-то официальный статус. Он был озабочен организацией комиссии по наследию Рерихов, стремился что-то сделать, чтобы был создан музей их имени, чтобы выходили правдивые публикации об их жизни и творчестве. И сам он делал все: и писал, и организовывал, и привлекал к Общему Делу людей, которых считал достойными этого Дела. И в то же время работал в своей конторе ежедневно по восемь часов, занимался огородом, детьми, был помощником во всем своей жене, которая учительствовала в сельской школе, а также поддерживал со многими и очень разными людьми дружеские связи и отношения.

Когда я думаю о Павле Федоровиче, то каждый раз испытываю огромное и неизбывное чувство благодарности. Он был тем, добрую помощь которого я всегда на себе ощущала. Он щедро передавал мне все, что знал сам, делился со мной своими мыслями и соображениями. Надо сказать, что я не была в этом каким-то исключением. Все те, кто оказались связанными с Павлом Федоровичем по тем или иным причинам, чувствовали, я уверена, то же самое, что и я. Он стоял у истоков серьезного научного рериховедения. Первыми нашими публикациями о Рерихах все мы были обязаны ему. Его большой, тщательно подобранный и прекрасно систематизированный архив был для меня надежным источником тех знаний о Рерихах, в которых я в то время нуждалась. Сам Павел Федорович от природы своей обладал талантом ученого и исследователя. Он был ученым, как говорят, от Бога. Не имея никакого специального образования, он был первым, сумевшим открыть нам подлинного Рериха во многих аспектах его деятельности. Павла Федоровича никто не учил работать с источниками, он не защищал диссертаций, не постигал специальной научной методологии. Но его работы, превосходившие публикации дипломированных ученых, охотно принимали в научные журналы и сборники.

Так сложилось в нашей стране, что степень «учености» определяло то пространство, в котором находился тот или иной ученый муж. Считалось, что наиболее выдающиеся из них складываются лишь в крупных городах, ну и конечно, в первую очередь, в Москве и Ленинграде. Павел Федорович всей своей жизнью опроверг это расхожее мнение. Ну что может быть наименее подходящим для научной работы, чем небольшой, затерянный в лесах и полях поселок Козе-Ууэмыйза, где не было ни библиотек, ни культурных учреждений, где никто не читал лекций и не обсуждал в переполненных залах важных научных проблем? Здесь люди от рождения становились маргиналами, отрезанными от забот большого мира, который помещался где-то там, за горизонтом и до которого жителю поселка было такое же дело, как, предположим, русскому крестьянину XVIII века до жизни императорского двора в Китае. Павел Федорович, даже живя в своем далеком поселке, был человеком большого мира, дыхание которого

он все время ощущал. В Козе-Ууэмыйза шли письма и бандероли с книгами из Нью-Йорка и Лондона, из Германии и Австралии, из Индии и Франции. Я уже не говорю об обширной переписке Павла Федоровича в собственной стране. Он всегда был в курсе выходящей литературы, старался не пропустить ни одной нужной ему книги и частенько бывал обо всем этом осведомлен раньше столичных своих коллег.

Однако мне бы не хотелось, чтобы у читателя сложилось впечатление о Павле Федоровиче Беликове как о неком идеальном персонаже, всезнающем и непогрешимом, лишенном того, что присуще обычному человеку. Известно, что на нашей грешной земле таких людей не бывает. И не в том проблема, существуют ли недостатки и ошибки, а в том, как мы сами к ним относимся. Павел Федорович относился к ним, с моей точки зрения, самым правильным образом: если он ошибался, то всегда находил в себе мужество не скрывать это от других. Его отличало то внутреннее мужество, которое помогало ему достойно выходить из самых трудных и запутанных ситуаций. А их в его жизни было немало. Он подходил к жизни реально, никогда не витал в облаках и не принимал, когда это делали другие. Он деликатно и иронично над ними посмеивался, но никогда не опускался до резкого осуждения, даже тогда, когда эти «витающие», которых среди рериховцев, и старых, и молодых, было немало, мешали ему в чем-то, а нередко попросту отнимали у него время, которым он всегда очень дорожил. Павел Федорович оказал на меня большое влияние не только образом своего мышления, своими подходами к исследованию наследия Рерихов, но и изменил какие-то мои человеческие качества. Он приучил меня к тому, что отвечать на письма надо сразу. Но, правда, так и не смог привить мне правило – отвечать подробно. Он заставил меня дорожить каждым фактом в жизни Рерихов, ничего не оставлять без внимания, не делить факты, как это я привыкла делать, на важные и неважные. И когда я, следуя его наставлениям, стала тонуть в этом обилии фактов, которые он почему-то считал все «необходимыми», я запротестовала.

– Зачем это нужно? – спросила я.

Он на какое-то время задумался.

– Видите ли, все эти факты связаны с великими личностями, в жизни которых были события необычные и миссия которых для нашего столетия была уникальна. И, наконец, несмотря на видимое обилие фактов, мы не можем сказать, что знаем о Рерихах все. Мне кажется, – он как-то смущенно улыбнулся, – что факт, который мы с вами сегодня считаем неважным, может завтра оказаться важным, и наоборот.

Потом я убедилась, что Павел Федорович был глубоко прав, и создала сама «банк фактов», которые мне в данный момент не требовались, но могли быть востребованы в любой момент. И сколько из них, казавшихся ненужными, потом были пущены в ход и осветили по-новому происходящее в жизни Рерихов.

Мы много с ним беседовали о самых разных вещах, начиная с тех, о которых я рассказала, и кончая важными проблемами, связанными с философией Живой Этики, особенно в ее эволюционных аспектах. Беседовать с Павлом Федоровичем было легко и интересно. И очень часто именно тогда я испытывала редкое чувство полного понимания со стороны собеседника. Я написала «редкое», потому что такое со мной случалось не часто, даже с людьми близкими или с теми, которых я знала давно и хорошо. И чем ближе мне был человек, тем реже возникало такое взаимопонимание.

С Павлом Федоровичем у меня возникли те доверительные отношения, которые и привели к полному взаимопониманию. И здесь главная «вина» была его, а не моя. Уверена, такие взаимоотношения с Павлом Федоровичем, инициированные им самим, возникали у него и с другими. Поэтому люди к нему так тянулись. Некоторых к нему привлекали не столько его знания, сколько те человеческие качества, которые мы сами растеряли в разного рода сражениях, волнениях и стрессах.

Я не однажды навещала Беликовых в Козе-Ууэмыйза; мы гуляли с Павлом Федоровичем по старинному парку, принадлежавшему когда-то местному барону, или бродили по лесу, который начинался сразу за парком. И все время разговаривали. Временами в нашем разговоре появлялась странная поспешность, мы начинали перескакивать с сюжета на сюжет, как будто торопились что-то друг другу сказать, точно бы этот разговор был последним. И тогда в живых, всепонимающих глазах моего собеседника появлялась какая-то неведомая мне печаль. Но он ее каким-то особым движением головы стряхивал, и наша беседа начинала течь в прежнем спокойном русле. И каждый раз я уносила с собой что-то неожиданно бесценное, что заставляло меня потом долго, а иногда и плодотворно, размышлять.

Летом 1979 года я прожила в Козе-Ууэмыйза больше месяца. Павел Федорович нашел для меня удобный домик, расположенный на краю поля, около леса. Там я работала с его архивом, без которого вряд ли были бы возможны мои будущие публикации. Павел Федорович и Галина Васильевна, стараясь деликатно мне не мешать, навещали меня по утрам, чтобы, как я полагаю, убедиться, что со мной все в порядке.

В жизни Павла Федоровича самым важным человеком всегда был Святослав Николаевич Рерих. Такой преданности одного человека другому я никогда не встречала. Конечно, в этих чувствах ничего неожиданного не было. Еще когда были живы старшие Рерихи, Павел Федорович переписывался с ними, получал от них указания и советы, а когда в Советский Союз вернулся Юрий Николаевич, он познакомился и с ним и помогал ему до самой его смерти в 1960 г.

Взаимоотношения же со Святославом Николаевичем оказались наиболее близкими и долговременными. Начиная с хрущевской «оттепели», когда стало меняться, хотя и ненадолго, отношение к Рерихам, Святослав Николаевич начал посещать Родину. И Павел Федорович был тем, на кого младший Рерих мог полностью положиться и на помощь которого всегда мог рассчитывать. Во время каждого визита Святослава Николаевича Павел Федорович приезжал в Москву и, находясь все время при госте, исполнял практически обязанности его секретаря. Секретарь из него был высочайшей квалификации: он мог организовать самое сложное дело, свести с кем надо и выполнить многое другое, что значительно облегчало Святославу Николаевичу его непростую жизнь в Москве.

Для Павла Федоровича не было дел неважных и важных. Он выполнял все, о чем просил Святослав Николаевич, нисколько не смущаясь, на первый взгляд, «ничтожностью» поручения Рериха. Святослав Николаевич обычно останавливался в гостинице «Советская» в забронированном для него постоянном номере. У него были визиты «легкие», как он сам говорил, и «трудные». Трудные обычно были связаны с выставками картин Рерихов. Во время таких визитов увеличивалась нагрузка и на Павла Федоровича, ибо он активно участвовал во всем: присутствовал в выставочном зале, где шло оформление экспозиции, спорил с чиновниками, когда те запрещали повесить ту или иную картину, как «идеологически не соответствующую».

Святослав Николаевич имел обыкновение находиться каждый день в выставочном зале и общаться с посетителями. Павел Федорович всегда был рядом с Рерихом. Он знал, что в любой момент может понадобиться ему, и не хотел, чтобы Святослав Николаевич беспомощно шарил глазами по залу, пытаясь найти нужного человека.

Чиновники Министерства культуры, приставленные к почетному гостю, время от времени исчезали, иногда надолго. Павел Федорович всегда был рядом.

– Я чувствую себя с Павлом Федоровичем в безопасности, – как-то сказал мне Святослав Николаевич, – такого надежного друга я вряд ли когда-нибудь буду иметь.

И сам Рерих никогда не оставался в долгу. Он высылал Павлу Федоровичу нужные материалы, просматривал его рукописи, давал нужные советы и рекомендации.

Но самым важным, с моей точки зрения, делом, которое Павел Федорович выполнял во время визитов Рериха, было регулирование потока желающих встретиться с гостем. Дело это

было чрезвычайно трудное и сложное. И для того, чтобы его бесконфликтно выполнять, необходима была организационная хватка, прекрасное знание человеческой психологии и понимание важности или неважности самого визитера для Святослава Николаевича.

Мне пришлось пройти через подобный опыт во время последнего визита Рериха в 1989 году, когда Павла Федоровича уже не было в живых, и могу сказать, что более трудной работы мне не приходилось выполнять ни до, ни после.

Павел Федорович руководил этим потоком корректно, вежливо и твердо. Он сам решал, кто из посетителей был необходим Святославу Николаевичу, кого можно ограничить во времени, а кого следует и попридержать. И когда один из визитеров при отказе заплакал «скупыми мужскими» слезами, Павел Федорович, приобняв плачущего за плечи, стал легко, но настойчиво продвигать его к выходу. Тот же почему-то не стал сопротивляться и, сморкаясь и всхлипывая, совсем уже не по-мужски, покорно ушел. Но могу со всей уверенностью сказать, что все нужные Святославу Николаевичу люди получали возможность с ним встретиться.

Во время таких визитов Павел Федорович знакомил и сводил людей, причастных к Делу, которому он сам, Беликов, служил. Он как бы укреплял то, что начиналось тогда в Советском Союзе, людьми, которым доверял. К сожалению, еще при его жизни не все оправдали такое доверие.

Во время этих напряженных визитов Рериха Павел Федорович успевал записывать и то, что в это время происходило. Из его записей выросла потом целая летопись, крайне значительная и полезная. Эту летопись он постепенно стал превращать в книгу о Святославе Николаевиче и работал над ней до самых последних дней, уже будучи неизлечимо больным.

Пришло время, когда письма от него стали приходить все реже и реже и становились все короче и короче. Я понимала, что надвигается развязка, но никто из нас уже ничем не мог ему помочь. Так в жизни случается часто.

Я приехала в Таллинн ранней весной 1982 года. Было утро, над городом стоял легкий туман, сквозь который время от времени просвечивали неяркие лучи балтийского солнца. С моря дул ветер и нес запах каких-то водорослей и чего-то еще неясного и беспокоящего. Лужицы на платформе вокзала были затянуты хрупким весенним льдом. Меня встретил сын Павла Федоровича, Кирилл. Мы поздоровались.

– Ну как? – спросила я.

– Неважно, – ответил он и отвернулся.

Больше мы об этом не говорили.

Павел Федорович жил последнее время в Таллинне на квартире своей дочери Лены. Я увидела его лежащим на кровати в чистой и выглаженной рубашке, глаза на побледневшем и исхудавшем его лице были по-прежнему живыми и заинтересованными, но в глубине их уже таилось что-то незнакомое и в какой-то мере пугающее.

– Вот как получается, – как бы оправдываясь, сказал Павел Федорович, – видите, лежу у Лены – нужны врачи, а у нас в Козе-Ууэмыйза таких нет. Но главная беда – книгу о Святославе Николаевиче еще не кончил. Руки не работают. Не могу печатать даже на машинке.

Я протянула ему бобину с магнитофонной лентой, которую с трудом достала в Москве. Тогда были такие времена. Он радостно засмеялся, сделал попытку встать, но у него не получилось.

– Спасибо огромное. Ну, теперь я спасен. Буду наговаривать на магнитофон, а потом посмотрим.

Я взглянула на Галину Васильевну и по ее лицу поняла, что диктовать ему долго не придется. Вечером этого же дня я уехала в Москву. Был разгар учебного года, и я смогла вырваться только на воскресенье.

Уже тогда я понимала, что это будет моя последняя встреча с Павлом Федоровичем Беликовым. Так оно и случилось. Книга о Святославе Николаевиче осталась незаконченной, и многие дела, которые он задумывал, – незавершенными.

После его ухода я почувствовала какое-то внутреннее опустошение, как будто из-под меня выбили опору. А мысль – «Надо спросить у Павла Федоровича, надо посоветоваться с Павлом Федоровичем» – еще долго жила во мне и каждый раз причиняла боль невозможностью своего осуществления.

В Москве, в Малом Знаменском переулке, рядом с Музеем изобразительных искусств, теперь стоит Музей имени Н. К. Рериха. Каждый раз, когда я смотрю на этот Музей, то думаю одно и то же – почему Павел Федорович не дожил до него? И каждый раз утешаю себя все одним и тем же – в этом Музее есть и часть его устремлений, труда и страданий, которая продолжает жить с нами и приносить свои плоды. Но только об этом многие уже не подозревают…

В 1981 году, когда я только-только приступила к работе над «Мастером», я написала о Павле Федоровиче очерк, намереваясь поместить его в готовящуюся книгу в качестве одной из глав. Мастер был настолько слит со своим Хранителем, что было бы неверным этого не сделать. Потом, когда уже готовый «Мастер» совершал свое длительное и бесплодное путешествие по различным издательствам, очерк затерялся в одном из них. Долгие поиски не принесли никаких результатов. И только в этом году, совершенно случайно, среди старых бумаг я нашла его копию и включила в мои воспоминания. Он являет собой как бы воспоминания Павла Федоровича о себе самом. Ибо все, что в нем описано, было мне рассказано им самим. Кроме этого, очерк касается одного из узловых моментов жизни самого Хранителя, Мастера и многих из нас. Момент этот имеет также и эволюционный характер, который осветил не только судьбу Хранителя, но и неизбежность и неповторимость уготованной ему миссии: судьба связала имя и дела Павла Федоровича Беликова с одним из величайших людей XX века, внесших важный вклад в Космическую эволюцию человечества. Тот узловой момент назывался Великой войной, определившей, – я в этом уверена, – основные магистральные пути человека и человечества к Новой Эпохе, к Новому Человеку.

Я прошу поэтому считать мои собственные воспоминания своего рода предисловием к воспоминаниям самого Павла Федоровича, заключенным в нижеследующем очерке.

* * *

– Поторапливайся! Да поживей! Ты, красная сволочь!

Жесткий ствол винтовки уперся в спину, врезавшись между лопатками. Ощущение было не из приятных. Узкая средневековая улочка была пуста, со стороны горящего порта наползали клубы дыма. На улочке когда-то жили чудаковатые алхимики. Узкие, вытянутые кверху черепичные крыши вплотную прилепились к городской стене с башнями. Они то исчезали, то появлялись в черных облаках, несущихся со стороны моря. И это появление и исчезновение старинных башен, некогда охранявших этот город, делало все вокруг неустойчивым и нереальным. Ему даже показалось, что в узком зарешеченном окне вспыхнул синеватый отсвет и метнулась фигура в колпаке. «Наверно, алхимик, – отрешенно подумал он, – или его призрак». Он удивился, что эта, казалось бы, фантастическая мысль не противоречила всему тому, что происходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.